

ДЖЕФФ САХАДЕО

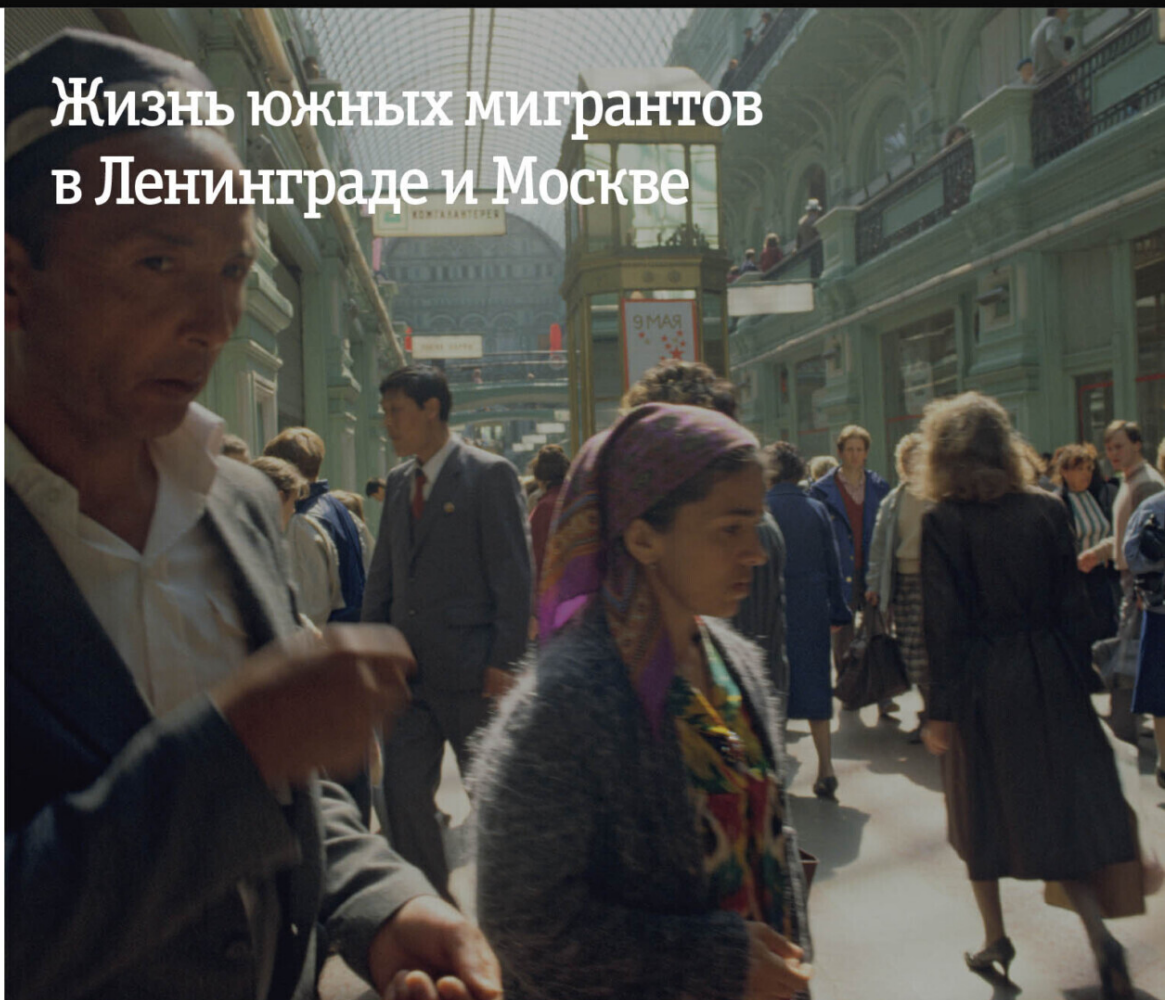
Голоса советских окраин

библиотека
журнала

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Жизнь южных мигрантов
в Ленинграде и Москве

неприкосновенный
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Джефф Сахадео

**Голоса советских окраин.
Жизнь южных мигрантов
в Ленинграде и Москве**

«НЛО»

2019

УДК 314.74"198"

ББК 60.7

Сахадео Д.

Голоса советских окраин. Жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве / Д. Сахадео — «НЛО», 2019 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2316-2

В конце советской эпохи сотни тысяч мигрантов — узбеков, таджиков, грузин, азербайджанцев и представителей других народов — прибыли в Москву и Ленинград в поисках новых возможностей. Как проходила их интеграция в центры советской жизни? Сталкивались ли они с расизмом и дискриминацией? Как советская концепция «дружбы народов» реализовывалась на практике? Опираясь на множество устных свидетельств, собранных в ходе полевых исследований, Джефф Сахадео анализирует, как энергия мигрантов изменила их собственную судьбу и жизнь двух столиц. Автор изучает индивидуальные мотивы и стратегии этих людей, чтобы понять, как выходцы из разных уголков страны понимали идею Советского Союза и конструировали его поздние реалии. Их истории представляют Москву и Ленинград как центры множества горизонтальных сетей, связывавших разрозненные регионы СССР, помогают увидеть «застойную» брежневскую эпоху как время динамичных социальных трансформаций, а также рассмотреть сложные отношения между центром и периферией, в которых региональная идентичность одновременно утверждалась и уничтожалась. Джефф Сахадео — историк, профессор Карлтонского университета, специалист по истории Восточной Европы, Кавказского региона и Центральной Азии.

УДК 314.74"198"

ББК 60.7

ISBN 978-5-4448-2316-2

© Сахадео Д., 2019

© НЛО, 2019

Содержание

Список сокращений	7
Благодарности	8
Особые замечания о терминологии книги	11
Введение	12
Глава 1	23
От империи к Союзу	26
Города, страны и миграция после Второй мировой войны	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джефф Сахадео
Голоса советских окраин. Жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве

Редактор серии А. Куманьков

На обложке: Очереди за дефицитом в ГУМе, 1987 год.

© Владимир Вяткин / РИА Новости

Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow, by Jeff Sahadeo, originally published by Cornell University Press

Copyright © 2019 by Cornell University

This edition is a translation authorized by the original publisher.

© Д. Чаганова, перевод с английского, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

Посвящается Петре, Кэролайн, Эндрю, Брахму и Джсуди

*Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз.*

*– из песни советского композитора Д. Тухманова,
1973*

Список сокращений

БАМ – Байкало-Амурская магистраль (Байкало-Амурская железная дорога)
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ГУМ – Государственный универсальный магазин
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛКН – лица кавказской национальности
ПТУ – профессионально-техническое училище
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Благодарности

На создание этой книги ушли годы, и мне хотелось бы многих поблагодарить. Неполный список этих людей начинается с семидесяти пяти граждан Советского Союза, которые посвятили мне время и вдумчиво подошли к своим рассказам, положенным в основу данного проекта. Не менее важную роль в создании книги сыграли мои коллеги и аспиранты, которые помогали мне с проведением интервью. Вместе нам удалось опросить армян, азербайджанцев, бурятов, грузин, казахов, кыргызов, представителей северокавказских народов, таджиков и узбеков. Интервью проводились и по телефону с потрескивающим сигналом, но в основном лично: в Оттаве, Нью-Йорке, Санкт-Петербурге и Москве, в Баку, Ленкоране, Алматы, Ташкенте, Бишкеке и в малых кыргызских селах, а также в Тбилиси и Кутаиси. Лиза Гринспун, Эллисон Китинг, Алтынай Тешебаева, Шахноза Матназарова, Рауф Гарагазов, Таир Фарадов, Мехригуль Аблезова, Гульмира Чурокова, Акмарал Арзыбаева, Райан Бьюкенен и Ия Эрадзе – благодаря этой команде мы обнаружили и опросили респондентов в перечисленных регионах с 2005 по 2011 гг. Брюс Грант и Мадлен Ривз выступили отличными культурными посредниками в моих полевых исследованиях в селах Азербайджана и Кыргызстана. Я думаю, что мне очень повезло, ведь я получил доступ к ярким личным воспоминаниям и узнал о взглядах людей как на обыденность, так и на необычные моменты в позднесоветском обществе и культуре.

Основное финансирование проекта осуществлялось за счет Совета Канады по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук. Внутренние гранты, полученные от Карлтонского университета, позволили мне провести начальные полевые исследования, а также были полезны на финальном этапе работы. Институт исследований Европы, России и Евразии и его выдающиеся руководительницы, Жинетт Ляфлёр и Крысия Котарба, оказали значительную помощь моему проекту в технических вопросах. Я также получил поддержку как сотрудник Международной лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета, за что особенно хочу поблагодарить Юлию Хмелевскую и Ольгу Никонову. Посольство Азербайджана в Канаде, Посольство Узбекистана в Канаде и США, а также Университет Центральной Азии помогли мне правильно организовать мои перемещения во время экспедиций.

В поисках опубликованных документов, касающихся позднесоветской миграции, я проделал долгий и увлекательный путь. В Карлтонском университете Александра Блейк и блестящие сотрудники нашей библиотеки разыскивали нужные мне источники по всему миру. Юлдуз Кутлиева долгие часы посвятила тому, чтобы просмотреть все советские газеты в нашей университетской библиотеке, а Патрик Рид получил для меня доступ к коллекциям Университета Индианы. Хелен Салливан, Ян Адамчик и Кит Кондилл из Справочной службы по славистике Иллинойского университета в Урбане-Шампейне работали со мной от начала и до конца проекта. Кроме того, я советовался с Терри Миллером в Университете штата Мичиган. Эрик Скотт, Криста Гофф, Патрик Рид и Райан Бьюкенен оказали мне содействие в работе с базой архивов в Баку и Москве. Саадат Маммадова, Фарид Шафиев и Эйми Доббс помогли мне получить доступ к библиотеке Баку, хотя в итоге мне так и не удалось добраться до бакинских архивов для работы над исследованием (которое показалось азербайджанским работникам библиотеки странным, возможно, даже подозрительным). Бен Лоринг и Гульмира Мусуралиева указали мне, в какие архивы и библиотечные фонды Кыргызстана мне стоит обратиться. Среди сотрудников блестящей команды, работающей в Центральном государственном архиве общественно-политической документации Кыргызской Республики, именно Мира Калилова уделила время тому, чтобы разобраться в условиях и причинах, по которым я осмеливаюсь характеризовать перемещения людей внутри Советского Союза как «миграцию». А Институт стратегических и межрегиональных исследований (в Ташкенте) привлек библиотекарей Наци-

ональной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои для помощи в поиске материалов об отношении и связях Узбекистана с Ленинградом и Москвой для проекта.

Я благодарен коллегам, которые на протяжении всего этого времени – более десяти лет – оказывали мне интеллектуальную поддержку во время раздумий и работы над книгой. Впервые мне удалось выдвинуть свои размышления как исследовательскую гипотезу и обсудить их, когда я работал научным ассистентом Дианы Кёнкер в Иллинойском университете (в Урбане-Шампейне). Благодаря ее терпению и мастерскому научному руководству я обрел представления о том, каковы образцовые качества ученого и человека. В начале пути меня вдохновляли коллеги, такие как Антуанетта Бёртон, Кит Хитчинс, Адиб Халид и Марк Штейнберг. А когда я стал профессором, в Льюисе Г. Сигельбауме я удивительным образом обрел одновременно наставника и коллегу, который разделяет мое мнение о важности изучения восходящей мобильности в Советском Союзе. Тему межкультурных связей мы не раз обсуждали в ценных дискуссиях с Адриэнн Эдгар. Помимо уже упомянутых мною коллег, я благодарю за советы и поддержку Сергея Абашина, Лауру Адамс, Сару Бринегар, Джеймса Кастила, Хезер Коулман, Эмили Эллиотт, Юлию Градскову, Али Игмена, Аблета Камалова, Марианну Камп, Адиба Халида, Машу Кирасирову, Натаниэля Найта, Дениса Козлова, Марлен Ларюэль, Майки Леманна, Терри Мартина, Максима Матусевича, Дэвида МакДональда, Лесли Пейдж Мох, Александра Моррисона, Сарфароза Ниёзова, Дугласа Норттропа, Себастьяна Пейруза, Джеймса Пикетта, Джона Рэндольфа, Блэр Рабль, Айсак Скарборо, Эда Шаца, Чарльза Шоу, Мирейю Тиноко, Анну Мари Уиттингтон и Арифа Юнусова. В полевых исследованиях меня серьезно поддерживали доброе отношение и советы коллег, старых и новых: Ирины Левиной, Эйми Доббс и Брюса Гранта – в Баку, а также Эльмиры Кучумкуловой, Дюшона Шаматова, Марии Лоу и Майи Петерсон – в Бишкеке.

Я получил прекрасные и полезные отзывы от коллег: на семинаре рабочей группы по исследованиям Центральной Евразии (Калифорнийский университет, Беркли, 2008 г.); на семинарах по истории среднезападной России (Университет штата Мичиган, 2009 г. и Университет Торонто, 2015 г.); во время серии выступлений на конференции «InterAsia» (Йельский университет, 2015 г.), а также на симпозиуме проекта «Контактные зоны» (Университет Сетон-Холл, 2015 г.). Кроме того, данный проект я представлял по частям на ежегодных съездах Общества центральных евразийских исследований и Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований так много раз, что едва ли смогу припомнить их все. Среди других площадок, на которых я разрабатывал идею проекта – Бингемтонский университет (на конференциях, проводимых Ассоциацией по изучению национальностей, и во время моих докладов в качестве приглашенного спикера), Университет Торонто, Центр исследований ресурсов Кавказа в Баку, Университет Центральной Азии, Южно-Уральский государственный университет, Университет Сёдертёрна, Университет Далхаузи, Босфорский университет, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо и Оксфордский университет. Также я благодарю корректоров и редакторов: Яна Э. Гольдштейна, Джейн Хеджес, Адиба Халида, Мэри Лиз, Мадлен Ривз и Марка Стейнберга, а также анонимных рецензентов, которые одобрили к публикации статьи, предшествовавшие этой монографии. Среди подобных набросков проекта – статья под названием «„Дружба народов“ или гражданство „второго сорта“? Советские азиатские мигранты в постколониальном мире» в журнале «Центральноазиатские исследования»¹. Ранняя версия главы 6 была опубликована под названием «Торговцы по случайности: маргинализация и возможность перебраться из южных республик в позднесоветскую Москву»². Главы 3 и 5 включают материалы, опубликованные впервые как часть исследования

¹ *Sahadeo J.* «Druzhiba narodov» or Second-Class Citizenship? Soviet Asian Migrants in a Post-Colonial World // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 559–579.

² *Sahadeo J.* The Accidental Traders: Marginalization and Opportunity from the Southern Republics to Late Soviet Moscow // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 521–540.

«Советские „черные“ и их попытки устроиться в Ленинграде и Москве» в журнале «Славянское обозрение»³. Глава 4 основана на статье «Черномордые, валите домой! Миграция и раса в позднесоветских Ленинграде и Москве»⁴.

Роджер Хейдон в равной мере давал полезные советы и поддерживал меня на протяжении всего процесса работы над книгой. Его быстрые ответы и внимательное чтение рукописи заметно улучшили ее качество. Я благодарен ему и за то, что он нашел двух вдумчивых анонимных рецензентов и со вниманием отнесся к их комментариям. Пол Госслин помогал на этапе завершающих штрихов, еще раз прочитав финальный вариант рукописи перед сдачей в издательство. Кроме того, он помог мне собрать нужные фотографии для книги. Неравнодушные Джейн Личти и Мишель Витковски к работе и их внимание к деталям способствовали тому, что этот долгосрочный проект был доведен до конца.

Петра Элинс была неотъемлемой частью этого проекта на всех этапах работы над ним и почти на всех этапах его реализации. Ее любовь и поддержка всегда присутствовали в моей жизни и стали основой моей карьеры. Наши дети, Кэролайн Элинс и Эндрю Сахадео, постоянно справлялись с моим отсутствием: то физическим, когда я уезжал в далекие страны, то мысленным, когда я продумывал этот проект. Мой отец, Брахм Сахадео, чей опыт жизни в Лондоне после Второй мировой войны позволил мне связать эту работу с более глобальным контекстом, скончался до того времени, когда мы могли бы поговорить о моих исследованиях. Он и моя мать, Джуди Сахадео, замыкают круг самых близких мне людей, которым я и посвящаю эту книгу.

³ *Sahadeo J. Soviet «Blacks» and Place Making in Leningrad and Moscow // Slavic Review. 2012. Vol. 71. No. 2. P. 331–358.*

⁴ *Sahadeo J. Black Snouts Go Home! Migration and Race in Late Soviet Leningrad and Moscow // Journal of Modern History. 2016. Vol. 88. № 4. P. 797–826.*

Особые замечания о терминологии книги

В Союз Советских Социалистических Республик в период с 1956 по 1991 гг. входило пятнадцать союзных республик. СССР состоял из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и четырнадцати национальных республик, или Советских Социалистических Республик (ССР). В официальных документах эти регионы упоминаются с использованием их русскоязычных названий: Грузинская ССР (Грузинская Советская Социалистическая Республика), Узбекская ССР (Узбекская Советская Социалистическая Республика) и т. д. В этой книге я решил сохранить те названия республик, которые использовали участники моих интервью. Они отражают более простую терминологию для обозначения частей СССР, которая также использовалась в советское время: Россия; Грузия, Армения и Азербайджан; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; и – в случаях, когда участники моих интервью путешествовали, – Беларусь, Украина, Латвия и Литва. Рассматривая формальные вопросы, я сохраняю более официальные названия республик (ССР). Говоря о Кыргызстане, я использую транскрибирование с современного кыргызского, а не русифицированную версию слова – «киргизский».

Все интервью переведены мной с помощью членов моей команды. Все переводы из опубликованных источников также осуществлены мной в случаях, если не указано обратное.

Введение

Пути в центр(ы)

В поисках способов помочь своей тяжелобольной сестре, Джасур Хайдаров в 1982 г. оставил жену с семьей детьми в узбекском селе недалеко от Оша (Кыргызстан)⁵. В том же году Эльнур Асадов, на плечи которого после смерти отца легла ответственность за семью, покинул Баку, чтобы отыскать более прибыльную работу. Их судьбы стали частью растущей тенденции передвижения людей из южных республик Советского Союза и его восточных регионов, в которых проживали сотни тысяч человек, в том числе: таджики, грузины, кыргызы, буряты, а также люди иных местных национальностей и русские. Подобная мобильность породила динамизм, благодаря которому возникла взаимосвязь государства и общества, формального и неформального сектора экономики, центра и периферии. Динамизм, возникший в поздний период существования Союза Советских Социалистических Республик, побуждал к движению отдельных людей, семьи и сообщества. Из-за наличия различных товаров и услуг, а также больших возможностей устроиться на работу в Ленинграде и Москве эти «две столицы» СССР стали наиболее привлекательными местами назначения для мигрантов с юга и востока. Завязавшаяся после случайной встречи дружба Майи Асинадзе с отдыхающей русской женщиной воодушевила девушку на то, чтобы покинуть родную грузинскую деревню у моря и последовать за мечтой – получить высшее образование в советской столице. А Абдул Халимов, «испуганный деревенский мальчик» из села в Таджикистане, в 1978 г. получал высшее образование в Душанбе до тех пор, пока предрассудки, внушаемые ему этническими русскими, не вынудили его переехать в более «интернациональный» город – Москву⁶. В Советском Союзе и за его пределами он повстречал студентов десятков разных этнических групп, и все они надеялись на вертикальную мобильность – искали шанс получить продвижение в центрах их регионов.

Люди послевоенного поколения предоставили всем этим студентам, рабочим, торговцам и другим мигрантам возможность получать разнообразные государственные квоты и участвовать в программах мобильности, спонсируемых государством. Севда Асгарова в 1952 г. после учебы в Высшей партийной школе в Баку поехала в Москву, чтобы пройти подготовку в области управления. Ее родственники, приезжая в столицу попытать удачу, регулярно гостили в ее комнате в общежитии, которую девушка делила с другими студентами. Акмал Бобокулов прибыл в Ленинград в 1971 г. для службы на Балтийском флоте, впоследствии он прослужит на нем всю жизнь. Его родители, колхозный бухгалтер и учительница, очень гордились успехами и патриотизмом сына, а он пытался помочь устроиться своим землякам из узбекского города Андижан. Несколько заслуженных тренеров СССР, отметивших талант Шухрата Казбекова из Ташкента в области фигурного катания, привезли его в Ленинград, там он выиграл несколько соревнований, а позже преуспел в карьере каскадера на Ленинградской киностудии («Ленфильме»). Лали Утиашвили и ее муж выбрали более привычный способ перебраться в сердце СССР – в 1979 г. они откликнулись на вакансии «плановика-экономиста» и в результате набора рабочих кадров в Грузии оказались в Москве⁷. В полученный ими по приезду двухэтажный дом в пригороде как к себе домой приезжали их друзья и родственники, желающие ощутить, каково это – жить в большом городе.

⁵ Для идентификации лиц, упомянутых в устных рассказах, иногда используются псевдонимы. Подробности о проведении интервью – в Таблице 1 и Приложении. Вместо названия «Киргизская Советская Социалистическая Республика» я использую название «Кыргызстан» как наиболее часто используемый термин для обозначения этого региона. См. раздел «Особые замечания о терминологии книги».

⁶ Абдул Халимов: из интервью, 30 ноября 2007 г. Термин «Таджикистан» отсылает к Таджикской ССР.

⁷ Термин «Грузия» – название Грузинской ССР.

Такие передвижения населения сделали Советский Союз в поздний период более динамичным. Советские граждане с Кавказа, из Центральной Азии⁸ и азиатских регионов России, приезжая в ленинградские и московские вузы, на заводы и фабрики, заселяя улицы, добавили им энергии и привезли с собой дух предпринимательства⁹. В устных рассказах, собранных мной и моей исследовательской группой, акцентируется, насколько важны инициативность, приобретенные навыки и упорный труд в процессе комбинированной социальной и географической мобильности, которая сумела изменить жизнь как местных жителей городов, так и мигрантов. Те слова и порядок действий, которые сопровождали процесс прибытия в новый город, как и неоднозначная государственная политика в отношении миграций, по-прежнему остаются незаметными для нас и отходят в тень современных научных оценок СССР в последние десятилетия. Я же утверждаю, что динамизм миграций позволяет оспорить оценку этого периода как периода застоя, которая преобладала у западных и советских наблюдателей того времени и которая подвергается пересмотру только сейчас¹⁰. Изучение позднего Советского Союза «снаружи внутрь» и «снизу вверх» как времени движения, а не эпохи застоя, позволяет понять его внутреннюю жизнь, надежды людей и трудности, с которыми они сталкивались в последние годы его существования.

Истории из жизни показывают нам сложный характер социальных сетей: близких и дальних, неформальных и формальных, и их роль в формировании намерения людей позднего СССР переехать. Новые и старые друзья, ближние и дальние родственники, односельчане и соседи по квартире – все они создавали связи, приводившие в движение мечты и реальность переезда на большие расстояния. Выбор индивидуальных стратегий сопровождался бесчисленным множеством государственных программ и институтов: от кампаний профессионального и трудового найма до программ, гарантировавших студентам из каждой республики места в ведущих центральных университетах; от многонационального характера Советской армии и Коммунистического союза молодежи (комсомола) до возможности легко и дешево передвигаться по стране. По сравнению с первыми двумя десятилетиями после распада Советского Союза – временем постоянных лишений и страха за свою жизнь, поздний СССР выступает в историях мигрантов как обитель безопасности и свободы. Но в то же время многие респонденты признавали, что движение с Юга на Север и с Востока на Запад в Советском Союзе было следствием дисбаланса между центром и периферией и провоцировало проявления национализма и расизма со стороны русской части населения, которая была вынуждена принимать мигрантов. Перестройка с ее возможностями и неопределенностью вызвала еще более многочисленную волну миграции в привилегированные города СССР. Это усилило националистические настроения и экономическое неравенство, и на рубеже 1990-х гг. проблемы, характерные для советских окраин, проявились и в центре, когда разрушающееся государство не сумело справиться с таким уровнем социетального динамизма.

Позднесоветская мобильность изменила как центр, так и периферию. Ленинград и Москва привыкли полагаться на человеческий капитал и ресурсы, которые все больше поступали из крестьянских хозяйств, промышленных городков, небольших деревень и крупных городов восточных и южных окраин СССР. В то время как демографы забили тревогу по поводу увеличения количества седых голов в двух советских столицах, их жители отметили и потемнение цвета кожи населения. Пусть на один или несколько торговых сезонов, на период

⁸ Термин «Центральная Азия» использован в переводе, когда автор описывает общий контекст или дает оценку событиям. В историографической части книги мы придерживаемся понятия «Средняя Азия» для указания на соответствующий регион СССР.

⁹ «Россия» – иное название Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР).

¹⁰ О генеалогии слова «застой» и немногочисленных исследованиях этого явления с момента распада СССР см.: *Fainberg D., Kalinovsky A. Introduction: Stagnation and Its Discontents: The Creation of a Political and Historical Paradigm // Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange. Lanham, MD: Lexington Books, 2016. P. VII–XIX.*

учебы в университете, период построения карьеры или же на всю жизнь – татары, грузины, азербайджанцы, кыргызы, таджики, буряты и люди других национальностей осваивали центральные пространства Ленинграда и Москвы. Торговцы и разнорабочие, студенты и профессионалы своего дела идейно связывали свою способность добиться успеха в сердце СССР с принципом равенства граждан; и лишь немногие полагали, что именно неравенство мотивировало их в стремлении преуспеть. С 1930-х гг. советские граждане слышали отовсюду – во время учебы, из средств массовой информации и других источников – утверждения, что модернизация означает урбанизацию; и наполнялись верой в то, что большие города – это символы светлого будущего¹¹. Поэтому им казалось, что растущий уровень достатка в центре страны – в порядке вещей. В таких представлениях Ленинград и Москва были пространством для всех, кто готов упорно трудиться, преодолевая трудности интеграции, а иногда и жесткое соперничество, – для тех, кто готов привести общество и государство к процветанию¹². Как передавались людям в отдаленные деревни и города идеи и ценности, перенятые в центре СССР, так текли туда и рубли, заработанные в центре. А когда в 1980-х и 1990-х гг. возможности экономического роста одновременно сузились и начали распространяться через сети неформальных и формальных связей и движений, иерархичность и напряжение в городах усугубились.

На Ленинград и Москву у лидеров коммунистической партии были большие планы: они надеялись, что эти города станут центрами расширяющегося социалистического мира. Особо важную роль в претензиях на мировое расширение играли Кавказ и народы Центральной Азии: они выступали в качестве представителей и посредников для азиатов и мусульман во время просоветских агитационных кампаний во времена холодной войны. Многонациональные университеты, парады, посвященные их вкладу в общее дело, и даже мечети представляли официальный образ неславянских граждан, проживающих на востоке России и в южных республиках Союза. Глобальные социалистические города являли собой особый пример того, как может происходить интеграция народов бывших колоний – вначале народов царской России, а затем и других европейских государств¹³. Сегрегация населения по месту жительства, политические дебаты о возможности иммиграции, эпизодические межэтнические столкновения, которые были характерны для постколониальных Лондона, Парижа и других центров бывших империй в конце XX в. – всех этих проблем не было в Ленинграде и Москве. Но отсутствовала и формальная общественная жизнь, которая могла бы создавать школы, газеты и другие организации, представляющие общины меньшинств. Несмотря на то, что народам Кавказа и Центральной Азии не нужно было пересекать границу, чтобы переехать в привилегированные глобальные города «своей» страны, там действовало требование, согласно которому эти граждане должны были зарегистрироваться по месту своего постоянного проживания – получить прописку. Транснациональная мобильность требовала знаний формальных механизмов, которые необходимо соблюдать при передвижениях по стране, а также сил и способностей, чтобы конвертировать глобальную мощь и амбиции СССР, сосредоточенные в двух его столицах, в свою пользу¹⁴.

¹¹ *Morgan L.* Urban Materiality and Its Stakes in Southern Kyrgyzstan // *Quaderni storici*. 2015. Vol. 50. № 2. P. 1–24.

¹² Об иерархии советских пространств см.: *Pilkington H.* «The Future Is Ours»: Youth Culture in Russia, 1953 to the Present // *Russian Cultural Studies* / ed. C. Kelly and D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 378; *Vendina O.* Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. № 3. P. 216–243.

¹³ Эта книга – первый шаг к пониманию многонационального характера интеграции в городах центральной России в позднесоветский период. Об уникальном пути развития социалистических городов в контексте западной парадигмы в иных аспектах см. статьи специального выпуска: *Second World Urbanity: New Histories of the Socialist City* / ed. D. Bocharnikova and S. E. Harris // *Journal of Urban History*. 2018. Vol. 44. № 1. P. 3–117.

¹⁴ О транснациональном характере межэтнической межреспубликанской мобильности см.: *Siegelbaum L. H., Moch L. P.* Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 4. P. 970–986.

Переезд в город проверял мигрантов на прочность и испытывал, насколько удачны их стратегии интеграции в центры советской жизни. Устные рассказы мигрантов свидетельствуют о важности и разнообразии эмоциональной жизни и о сообществах, сложившихся в разное время и в разных местах¹⁵. При всех различиях в инвестициях и внимании между центром и периферией, жители Кавказа и Средней Азии твердо верили в принципы социалистической идеологии и в ее риторику равенства, семьи и в особенности дружбы. «Дружба народов» явно не принадлежала к числу тех советских лозунгов, которые превратились, по словам Алексея Юрчака, в «пустые» и «бессмысленные» символы: этот принцип играл важную роль в становлении идентичности южных мигрантов¹⁶. Мобильность позволила им понять, что такое дружба, и завести свои дружеские связи. Даже если новоприбывшие жители самого ядра СССР не сумели реализовать свои устремления полностью, они все равно испытывали удовлетворение, пусть иногда смешанное с чувством обиды на то, что им приходится жить вдали от дома. Для мигрантов, которые хотели улучшить качество жизни и в то же время поддерживать связи друг с другом, со своими этническими группами, с сообществом региона, куда они переехали, с большой советской семьей и в разной степени с самим советским режимом, все время сохраняя связь с родным домом, – для этих мигрантов счастливые воспоминания и сопереживание друг другу были важными эмоциональными ориентирами в общении. Апелляция к принципу дружбы народов стала механизмом, позволяющим потребовать от государства выполнения обещаний и призвать органы власти к ответу в тех случаях, когда опыт миграции приводил к неблагоприятным результатам. И хотя условия общения менялись, дружба была важным элементом в стратегиях мобильности и способствовала положительным эмоциям, которые помогали избежать угрозы потенциальной изоляции мигрантов, находившихся за тысячи километров от родного дома.

В Ленинграде и Москве, как и во всем позднем Советском Союзе, межкультурные связи стали определяющей чертой идентичности и социального статуса. Мигранты и местные жители одинаково использовали знакомства с разными людьми для создания личных, профессиональных и этнических связей, формирования чувства принадлежности к многонациональному, пусть и с доминирующим русским населением, Советскому государству. Культурные объединения и различия развивались в сложном соединении горизонтальных связей и вертикальных иерархий. Социальный статус, уровень образования, этническое происхождение и достижения народов; родной и новообретенный дом; религия; гендер – иногда пол – и гражданская позиция – все это играло важную роль в том, как советские граждане оценивали самих себя и друг друга. Какими были две столицы на самом деле: территорией для привилегированных русских коренных жителей, для «белых», или же они были открыты для всех, кто желает внести свой вклад в развитие современного общества, независимо от их происхождения? Могли ли мужчины и женщины; христиане, мусульмане и атеисты, комсомольцы, члены компартии и беспартийные получить при равных усилиях равные результаты в этом модернизирующемся государстве? Ответы на эти вопросы, учитывая неоднозначность официальных заявлений, варьировались в зависимости от опыта межкультурного взаимодействия конкретных людей и от их индивидуального восприятия. Истории из жизни мигрантов подчеркивают сложный, глубоко личный характер каждого взаимодействия и связывают эти взаимодействия с более широким советским миром в контексте глобальной тенденции движения с периферии в центр в конце XX в.

Расизм препятствует интеграции мигрантов. Когда мигрантов в городах стало больше, выходцы с Кавказа и из Центральной Азии в Ленинграде и Москве, да и в целом в городах северной России, часто слышали в свой адрес пренебрежительное: «черные». Несмотря на

¹⁵ Роль эмоций в советской истории до сих пор мало изучена. См., например: *Reddy W. M. Emotional Turn? Feeling in Russian History and Culture: Comment // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2. P. 329–334.*

¹⁶ *Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 63–79.*

то, что после Холокоста представления о расе в СССР, как и в Северной Америке и Европе, сместились с биологических на культурные критерии, расовая нетерпимость росла по мере того, как увеличивалось количество «небелых», прибывающих с периферии бывшей империи в крупные западные города¹⁷. Понимание расы и расизма в основном оставалось на уровне принципа, согласно которому «человеческий вид [представлен] отдельными группами, каждую из которых определяют врожденные черты, общие для всех членов одной группы и отличающие их от членов других групп. Хотя группы представляют один и тот же вид, они неравны по статусу»¹⁸. Разделение по расовому признаку противоречило принципу дружбы народов, в соответствии с которым мигранты, наряду со всеми советскими гражданами, могли чувствовать себя частью, пусть и не совсем равной, одного целого. «Черные» мигранты объясняли повседневный расизм, с которым они сталкивались в Ленинграде и в Москве, особым восприятием местных жителей того, как они выглядели, разговаривали и вели себя. Они замечали проявления расизма, выраженные в неуважительном отношении к приезжим, в косых взглядах, снисходительной речи или унижениях, вплоть до проявлений насилия, пусть даже все эти нападки не могли сравниться с жестокостью в городах Запада по отношению к местным темнокожим¹⁹. По мере увеличения числа кавказских и среднеазиатских торговцев на улицах, автобусных остановках и станциях метро в 1980-х гг. обстановка в двух столицах все больше накалялась: препирательства на рынке могли обернуться потасовкой, а милиция была агрессивно настроена по отношению к торгующим мигрантам. Помимо оскорбления «черные», появился еще один эпитет – «лица кавказской национальности» (сокращенно ЛКН). Так стали называть еще более широкий круг – всех темнокожих и темноволосых советских людей, что серьезно огорчало солидные татарские общины Ленинграда и Москвы. Эпитеты, возникшие в советскую эпоху, сохранились до времени, когда мы проводили большую часть интервью для нашего проекта: тогда, в первой декаде 2000-х гг., эти оскорбления звучали во время актов жестокого насилия на расовой почве в Санкт-Петербурге и Москве²⁰.

Однако в рассказах мигрантов о жизни в Ленинграде и Москве тема расизма возникала довольно редко, хотя и вызывала сильную эмоциональную реакцию. Новоприбывшие готовы были заплатить такую цену за шанс добиться успеха в центральных и самых престижных городах Советского Союза. Они с особым вниманием относились к формальным и неформальным связям и отношениям, которые могли бы «связать мигрантов и местных жителей в комплексной сетевой структуре социальных ролей и взаимозависимых отношений»²¹. Система обязательной регистрации по месту жительства в Ленинграде и Москве допускала различные отклонения и исключения. Городские власти разрешили или просто не смогли остановить растущую уличную торговлю или другие формы мобильности в сфере услуг и строительства, а также в секторах, требующих профессионального образования. Молодость и активность мигрантов наполняли стареющие столицы энергией, а сами приезжие поставляли более качественные товары и услуги, чем государство, и при этом демонстрировали свою верность советской системе. И в позднесоветский период неформальные связи между жителями в большей степени характеризовали быт двух столиц, нежели формальности.

¹⁷ Об эволюции представлений о расе см.: *Slobodian Q.*, ed. *Comrades of Color: East Germany in the Cold War World*. New York: Berghahn Books, 2015. P. 27. О связях между расизмом и миграцией в постимперский период см.: *Hall C., Rose S. O.* Introduction: Being at Home with the Empire // *At Home with the Empire: Metropolitan Culture and the Imperial World* / ed. C. Hall and S. O. Rose. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 22–23.

¹⁸ *Fields K. E., Fields B. J.* *Racecraft: The Soul of Inequality in American Life*. New York: Verso, 2014. P. 16.

¹⁹ Связь между расизмом и миграцией из бывших колониальных земель обсуждается в главе 4 наст. изд. См. также: *Goldberg D. T.* *Racial Europeanization* // *Ethnic and Racial Studies*. 2006. Vol. 29. № 2. P. 331–364.

²⁰ О жизни мигрантов из южных республик бывшего СССР в современной России см.: *Zakharov N.* *Race and Racism in Russia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

²¹ *Boyd M.* Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23. № 3. P. 639.

В воспоминаниях мигрантов преобладают представления о доме: о родных городах, находящихся за тысячи километров, о новообретенном доме в Ленинграде и Москве, а также о Советском Союзе как доме в более широком смысле. Дом в восточных областях или в южных республиках не только служил утешением, но и напоминал мигрантам о том, что время, проведенное в Ленинграде и Москве, может открыть новые семейные и, возможно, региональные стратегии мобильности. Общее гражданство и новые или уже созданные сетевые связи облегчали первичную адаптацию в Ленинграде и Москве, но новоприбывшие справлялись со всеми препятствиями: от холодного климата до холодного приема со стороны местных жителей. Поскольку в городах отсутствовали этнические кварталы, такие как на Западе, которые могли бы дать мигрантам почувствовать себя дома и отгородить их от сообщества местных жителей, советским мигрантам приходилось самим осваивать новые пространства. Чьи-то квартиры, общежития для студентов и рабочих разных национальностей, рестораны, Мавзолей Ленина и даже Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве выступали в качестве площадок, где новоприбывшие жители столиц могли оживить воспоминания о доме: новом, родном, этническом, и большом советском доме. Это позволяло облегчить для них интеграцию в города, в которых, как они верили, имели право жить если не люди со всего мира, то представители всех народов СССР.

Советские мечты об успехе и статусе, комфорте и включенности в коллектив составляли основу ожиданий и мыслей мигрантов и даже приукрашивали их воспоминания²². Мигранты искренне верили, что государство, равнодушное к цвету кожи, предоставит способы мобильности – как социальной, так и географической – и свободу выбора профессии, если не для них самих, то хотя бы для их детей. Эти приезжие представляли собой в некотором роде воплощение раннесоветских идей Николая Бухарина: они были «сознательными производителями своей собственной судьбы [и] действительными кузнецами своего будущего»²³. Их представления об индивидуальных правах, привилегиях, их амбиции воплотить советскую мечту могли бы одновременно и подкрепить официальные заявления о будущем государства и общества, и бросить им вызов. Мигранты верили, что представители государства были обязаны помогать им в достижении целей, что вписывалось в их образ развитого общества. В популярных представлениях образу современного привилегированного городского жителя больше соответствовали горожане с профессиональными навыками, нежели выходцы из рабочих и крестьян.²⁴ Но образование и упорство могут быть важнее социального или этнического происхождения. В Советском Союзе, как и во всех промышленно развитых странах, мигрантам удалось изменить представления о прогрессе, что и позволило им покинуть «Азию» и стать частью «Европы»²⁵.

Истории мигрантов децентрируют нарративы о государстве или России и позволяют увидеть, как обычные или выдающиеся люди из разных уголков страны понимали идею Советского Союза и конструировали позднесоветские реалии. Слушая о том, что заставило какого-то человека покинуть маленькую кыргызскую деревню, уютный грузинский городок или же космополитический азербайджанский или таджикский город, мы понимаем, каким образом периферия и ядро, личные и государственные интересы, чувства и действия взаимно конституировали друг друга. Политика и сети, амбиции и возможности, берущие начало за тысячи

²² О советской мечте см.: *Raleigh D. J. Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk about Their Lives*. Bloomington: Indiana University Press, 2006. Мигранты рассказывали о своем видении советской мечты, о чем пойдет речь ниже и в последующих главах.

²³ Цит. по: *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. Авторизов. пер. с англ. С. Чачко; науч. ред. А. Щербенок. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 22.

²⁴ Об этом сдвиге в СССР см.: *Lewin M. The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation*. Berkeley: University of California Press, 1991.

²⁵ О том, как идея европейского превосходства укоренилась в среде неевропейского населения, см.: *Thapan M. Imagined and Social Landscapes: Potential Immigrants and the Experience of Migration in Northern Italy // Economic and Political Weekly*. 2013. Vol. 48. № 38. P. 58.

километров от Ленинграда и Москвы, снабжали столичные университеты талантами, рабочие места – трудом, желудки городских жителей – продуктами, а их дома – цветами. Энергия торговцев из Средней Азии и с Кавказа, стремящихся «с нижних позиций наверх» и «с периферии в центр, дала ход», как назвал это Джеймс Миллар, «малой сделке». Государство, по молчаливому соглашению, предлагало, пусть не на постоянной основе и не всегда охотно, место, но не устраивало людей на работу и не предоставляло им товары. Эта сделка позволяла удовлетворить потребности и желания все более требовательных жителей крупных центральных городов в брежневскую эпоху²⁶.

То, насколько переплетены между собой советский центр и окраины Союза, запутанный характер связей и взаимоотношений, усложняет понимание того, был ли Советский Союз империей или не был. Очень ценное исследование грузинской общины в Москве, осуществленное Эриком Скоттом, хотя и раскрывает запутанные политические (а также культурные, социальные и экономические) связи между центром и Грузинской республикой, в итоге приводит к заключению, что СССР можно назвать империей, но империей «мобильных диаспор»²⁷. Адиб Халид предлагает характеризовать Советский Союз как «современное мобилизационное государство»; а устные рассказы мигрантов доказывают, что мобилизация может возникать как снизу, так и сверху²⁸. Модернизация в Советском Союзе шла рука об руку с имперскими идеями и практиками. То, что в центре появлялось все больше благ, было следствием энергичной работы всех граждан и использования ресурсов, поступающих из всех регионов. Эти привилегии распространялись – хотя и неравномерно – через официальные и неофициальные каналы, и блага поступали местным жителям и переселенцам по всему СССР²⁹. Спустя десять с лишним лет после распада СССР сами советские мигранты, за некоторыми примечательными исключениями, не решались назвать Советский Союз империей. Они признавали, что разница в уровне благосостояния и инвестиций вынуждала южные республики заниматься добычей сырья и поставками продуктов, и, конечно же, это было продолжением имперских идей и утверждало практику русского превосходства. Но легкость в передвижении по стране и гражданство, которое предоставлялось всем вне зависимости от национальности, выступали, по их мнению, более важными факторами, чем упомянутая разница в уровне благосостояния. Советский Союз остается уникальным человеческим и государственным экспериментом, в котором одновременно уничтожалось и утверждалось региональное, имперское и глобальное неравенство, сохранившееся и усилившееся в постколониальном мире конца XX в.

Также истории мигрантов, наряду с официальной, пусть и не совсем полной статистикой, газетами и архивными источниками, предлагают новые способы периодизации позднесоветской эпохи. Начиная с позднего периода правления Хрущева концентрированные инвестиционные потоки были направлены в центральноевропейские регионы и новые богатые ресурсами районы СССР, что уже к концу 1970-х гг. привело к недостаточному финансированию как в сельской местности, так и в городах Средней Азии и Кавказа. И так как жители Юга стремились увеличить свои доходы, началась экономическая миграция: на улицах Ленинграда, Москвы и других крупных русских городов появилось много так называемых темнокожих торгашей.

Их присутствие изменило городской ландшафт и вызвало негативную реакцию местных жителей, хотя качество и стоимость привезенных товаров были оценены по достоинству. А потом милиция, получив от муниципальных властей приказ очистить московские улицы к

²⁶ Millar J. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. No 4. P. 694–706.

²⁷ Скотт Э. Свои чужаки: грузинская диаспора и эволюция Советской империи / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 14.

²⁸ Khalid A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in a Comparative Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No 2. P. 231–251.

²⁹ О связи модернизации и колониализма в СССР см.: Kassymbekova B. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016.

Олимпиаде 1980 г., начала «зачистки». «Черных» торговцев «вывезли на 101-й километр»³⁰ – туда, где уже не требовалась московская прописка. Одновременно с этим начались государственные кампании по переселению граждан, особенно из Средней Азии, в регионы с дефицитом рабочей силы – в первую очередь на Дальний Восток России (поскольку советские власти по всей стране пришли к выводу, что советская экономика не могла больше финансово поддерживать растущее население Юга). Следующие изменения наступили не в эпоху перестройки, а в турбулентном 1990 г. Жизнь на периферии стала еще труднее, после того как политическим решением были сокращены государственные расходы на наиболее бедные республики, что вызвало национальные волнения и жестокую реакцию на них со стороны государства. Движения за большую автономию республик в составе СССР теперь выступали за полную их независимость. В условиях политической неопределенности и все более тяжелых условий жизни мигранты, приехавшие в Ленинград и Москву до и во время 1980-х гг., не могли понять, стоит ли им там остаться или лучше вернуться домой. Из-за дефицита продовольствия пропало ощущение безопасности, а реформы в СМИ 1990 г. предоставили легальную трибуну для националистических и расистских высказываний. Мигранты отмечают, что в этот период вплоть до официального распада Советского Союза они утратили веру в СССР как в государство, где усилия и активность обязательно будут вознаграждены.

Сложно понять и подсчитать, насколько многонациональными были Ленинград и Москва, поскольку в этих городах действовала «политика непризнания» национальных меньшинств³¹. А в довольно подробные ежегодные переписи населения не включали статистические сведения об этническом происхождении жителей³². Статистика официальных отчетов, предназначенных для широкого круга читателей, отображала исключительно белокожее славянское население городов³³. Советские муниципальные власти были убеждены, что, получив в Ленинграде и Москве все навыки, мигранты с Кавказа, из Средней Азии или других менее развитых регионов СССР обязательно уедут домой, увезя и навыки, и все заработанные в городах деньги. В дружбе народов не они, а русские должны были сыграть роль «старшего брата», несущего прогресс в отдаленные республики. Данные Всесоюзной переписи являются единственным официальным источником, содержащим данные по этническому составу населения. Самые ранние подсчеты касаются татарского населения, из-за более ранней интеграции и относительной географической близости к европейской части СССР: в 1959 г. в Москве их насчитывалось 80,5 тыс. человек, притом что численность армянского, грузинского, чувашского и мордовского населения была чуть больше 5 тыс. человек³⁴. Количество мигрантов с советского Юга в городах постоянно росло: по данным Всесоюзной переписи уже в 1989 г. было зарегистрировано более 30 тыс. человек из Средней Азии как в Ленинграде, так и в Москве, в дополнение к более чем 30 тыс. выходцев из Азербайджана³⁵. Определенно существует шанс, что в государственной статистике, основанной на самоидентификации граждан, недостаточно представлены этнические меньшинства, которые могли причислить себя к русским или, что более вероятно, вообще не участвовать в переписи³⁶. Как отмечает Вера Глубова, в последнее советское десятилетие в переписях все чаще стали занижать численность представителей

³⁰ *Bivens M.* No Good Will for the Homeless // *Moscow Times*. 27.07.1994.

³¹ О политике непризнания см.: *Yiftachel O.* Critical Theory and «Gray Space»: Mobilization of the Colonized // *City*. 2009. Vol. 13. № 2–3. P. 240–256.

³² Статистика «Москвы в цифрах» в подробных ежегодных статистических отчетах о населении советских городов не включала категорию этнической принадлежности.

³³ Москва – для всех столица / Сост. Е. Бернаскони. М.: Моск. рабочий, 1982. См. также: Москва. Вчера и сегодня / Сост. В. Глазычев. М.: Моск. рабочий, 1978; *Александров Ю.* Москва: Диалог путеводителей. М.: Моск. рабочий, 1983.

³⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 316.

³⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Статистика, 1991. Т. 7. Ч. 1. Азербайджан – Азербайджанская ССР.

³⁶ *Anderson B., Silver B.* Estimating Russification of Ethnic Identity among the Non-Russians of the USSR // *Demography*. 1983. Vol. 20, № 4. P. 461–489.

этнических меньшинств, потому что миграция из советской Азии в Москву была в два-три раза выше, чем из европейской части страны³⁷. Ольга Вендина пишет, что к концу советской эпохи представители кавказских и среднеазиатских народов составляли значительную часть всего нерусского населения столицы (доходившую до 20 % от общего числа жителей)³⁸.

Для нашего проекта мы провели семьдесят пять устных интервью с бывшими советскими гражданами, среди которых были студенты и специалисты, торговцы и владельцы магазинов, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, туристические агенты и демобилизованные солдаты³⁹. Респонденты представляли разные национальности: буряты, народы северного Кавказа, армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, кыргызы, таджики и узбеки, которые прожили месяцы или годы в Ленинграде и Москве с 1950-х по 1990-е гг., но в основном в последние два десятилетия советской эпохи. В мое исследование также включены рассказы ученых и журналистов⁴⁰. Сборник интервью скорее выполняет иллюстративную, а не репрезентативную функцию. Я ставил перед собой цель запечатлеть как можно больше аспектов миграции, то есть описать миграцию глазами, словами и воспоминаниями тех, кто непосредственно был ее участником и наблюдал ее последствия в Ленинграде, Москве и других ближних и дальних точках позднего Советского Союза.

Эти устные рассказы дают уникальную возможность заглянуть в советскую повседневную жизнь. При изучении такого динамичного процесса, как миграция, важно прислушаться к голосам тех, кто участвовал в движении. Их рассказы свидетельствуют о том, как «матрицы социальных условий влияют на людей и формируют их личность, а также то, как люди, со своей стороны, на них реагируют, как действуют и как меняют арену социальной жизни»⁴¹. Эти источники приобретают дополнительную ценность при изучении таких современных государств, как СССР, которые скрывают масштабы и приуменьшают значимость человеческой мобильности как формального, так и в особенности неформального характера⁴². В приложении к данной книге подробно описана предыстория этих интервью и те трудности, которые возникали во время их проведения, ведь на ответы, полученные в ходе разговоров, могут влиять такие факторы, как, например, языковой барьер, обстановка и восприятие интервьюера (или же характер общения между ним и респондентом)⁴³. Кроме того, то, какие слова подбирают разные люди и как описывают жизнь в целом, зависит от их стратегий повествования. В воспоминаниях мигрантов переплетены прошлое и настоящее. Вспоминая советское прошлое, проведенное в Ленинграде и Москве, они хорошо отзывались об этом времени, сравнивая его с постсоветским периодом, когда с 2005 по 2011 гг. акты насилия на расовой почве ежегодно забирали десятки жизней⁴⁴. Контраст между советскими и постсоветскими опытом миграции в

³⁷ Глубова В. Заботы многонационального города // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 9. С. 8.

³⁸ Vendina O. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow. P. 228. О коллективных стратегиях мобильности см.: Benmayor R., Skotnes A., eds. Migration and Identity. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 10.

³⁹ Полный список интервью см. Таблица 1.

⁴⁰ См., например: Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронкова, И. Освальда. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

⁴¹ Benmayor R., Skotnes A. Migration and Identity. P. 14.

⁴² Вплоть до 1990 г. в советской печати, а также в статистических сборниках и справочниках почти не обсуждался многонациональный характер Ленинграда и Москвы, а структура советских архивов не содержала категорий, которые могли бы свидетельствовать о пересечении внутренних границ СССР – границ между республиками. Но несмотря на отсутствие официальной документации, Синтия Бакли отмечает, что «доказательства повсеместной незаконной и незарегистрированной миграции в имперский, советский и постсоветский периоды неопровержимы». См.: Buckley C. Introduction: New Approaches to Migration and Belonging in Eurasia // Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / ed. C. Buckley and B. Ruble. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008. P. 7.

⁴³ О методологических трудностях при проведении интервью см.: Томсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003; Ritchie D. A. Doing Oral History: A Practical Guide. Oxford: Oxford University Press, 2003.

⁴⁴ Статистические данные и исследования инцидентов насилия на расовой почве в постсоветской России см. в ежегодных отчетах Информационно-аналитического центра «Сова» (Москва). URL: <https://www.sova-center.ru/> (признан иностранным

интервью, несмотря на то, что вина за проявления ксенофобии и насилия, которые мигрантам пришлось испытать в 2000-х гг., неожиданно смещалась, подчеркивал отчетливо задокументированную ностальгию по «воображаемой эмоциональной карте» СССР, на которую бывшие советские граждане наносят свои представления о стабильности, общности и взаимном доверии⁴⁵. Особенно сильно в их голосах улавливается тоска по тому времени, когда молодыми они были мобильны и мечтали добиться успеха. Мигранты с нежностью вспоминали время, когда они верили, что все препятствия можно преодолеть и ничто не предвещает беды⁴⁶.

Наряду с рассказами мигрантов мы изучали широкий спектр печатных источников, которые дают представление о том, какие государственные практики и какая реакция властей сопровождали миграцию в позднесоветское время. Архивные исследования проводились на материалах Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива города Москвы и Центрального государственного архива общественно-политической документации Кыргызской Республики. Доступ к архивам в Азербайджане мне получить не удалось. Ленинградские, московские и ташкентские газеты помогли мне понять, как межнациональные отношения и миграция официально были представлены в самом СССР. В эпоху гласности дискуссии в СМИ о советской экономике, мобильности и межнациональных отношениях постепенно угасают, хотя между официальной и новой, откровенно националистически и расистски настроенной прессой, заполонившей улицы Ленинграда и Москвы в 1990–1991 гг., сохраняется огромная разница. Оживленные дебаты о последствиях советской инвестиционной политики, о демографии, о сети взаимосвязей в мультикультурных городах велись как в советском, так и в западном исследовательском сообществе. «Этносоциология», направление, возникшее в Ленинграде и Москве в 1980-х гг., а также историки, демографы и другие советские ученые представили исследования, посвященные мобильности⁴⁷. Они уравновешивали невообразимо радужные повествования о советской жизни в Ленинграде и Москве, которые были рассчитаны на широкую аудиторию. Часто такая позитивная повестка подкреплялась примерами из жизни людей – подобные свидетельства мне приходилось читать в библиотеках Баку, Бишкека и Ташкента. Какое бы многостороннее описание ни пыталось дать это исследование, все же оно может предложить лишь фрагменты действительности и частичную картину жизни в многонациональном глобальном мире Ленинграда и Москвы. Ни одному государству конца XX в., существующему вплоть до настоящего времени, не удалось успешно организовать потоки мигрантов, прибывающих с окраин – в основном из бедных и (или) бывших колониальных регионов – в крупные города, а тем более открыто обсуждать или изучать это движение⁴⁸.

Эта книга состоит из семи глав, разбитых на три раздела. Главы 1 и 2 раскрывают имперский, советский и всемирный контексты миграции и описывают основы межнациональных отношений в СССР. Общее гражданство противоречило идее первенства русских, и люди с Кавказа, из Средней Азии и азиатской части России взвешивали свое место – как дома, так и за его пределами, по всему Советскому Союзу. Главы 3–5 прослеживают, как проходила интеграция советских мигрантов в Ленинграде и Москве. Формирование опыта миграции зависело

агентом).

⁴⁵ *Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. P. 285.

⁴⁶ О связи между юностью и воображаемым, не существующим более государством см.: *Berdahl D. «(N)ostalgie» for the Present: Memory, Longing, and East German Things // Ethnos.* 1999. Vol. 64. № 2. P. 192–211.

⁴⁷ Одной из первых исследователей этого направления была Галина Старовойтова, ставшая впоследствии депутатом Съезда Народных депутатов в 1989 г. См. ее кандидатскую диссертацию: *Старовойтова Г. Проблемы этносоциологии иноэтнической группы в современном городе.* На материалах исследования татар в Ленинграде. Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1980. Также см. ее книгу: *Старовойтова Г. Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки.* Л.: Наука, 1987.

⁴⁸ *Haas H., de. Migration and Development: A Theoretical Perspective // International Migration Review.* 2010. Vol. 44. № 1. P. 227. URL: <https://www.jstor.org/stable/20681751>.

от первых встреч, а также от индивидуальных мотивов и стратегий мигрантов. Новоприбывшие жители городов боролись за то, чтобы преодолеть разницу первоначальных условий и не позволять воспринимать себя через призму изначального неравенства. С тех пор как мигранты появились в Москве и Ленинграде, они стали неотъемлемой частью жизни двух столиц.

Последний раздел, состоящий из глав 6 и 7, посвящен двум главным поворотным моментам, произошедшим в последнее десятилетие советской эпохи. Глава 6 представляет рассказы четырех торговцев: одного азербайджанца и трех выходцев из Средней Азии. Их истории подчеркивают то, какой размах приобрело советское предпринимательство на рубеже 1980-х гг., а трогательные рассказы о жизни описывают эмоциональные и бытовые трудности неофициальной миграции. С оптимизма, которым встретили перестройку Михаила Горбачева, начинается глава 7. Найдет ли советское государство правильный подход к социетальному динамизму или же будет его игнорировать? Начало 1990-х гг. ознаменовалось стремительной эрозией государства и всех его институтов. По мере обострения продуктового дефицита и роста актов насилия по отношению к мигрантам вопрос о том, стоит ли остаться в Ленинграде и Москве или же вернуться домой, вновь стал актуальным и потребовал переоценки ценностей. В заключении в воспоминаниях мигрантов изучаются идеи дома и тоска по Советскому Союзу в первые десятилетия после его распада. Дискурсы советского общего дома появляются на протяжении всей книги: они не только играют роль в формировании индивидуальной, национальной или наднациональной идентичности, но и формируют ощущение более широкого сообщества, придавая особый смысл связи с домом. Пусть советская политика не имела, по воспоминаниям мигрантов, прямой связи с их повседневной жизнью, она во многом сформировала их цели и стратегии поведения. Опыт советской жизни косвенно проникает в их нарративы и сегодня.

Глава 1

Глобальные советские города

Советское государство приводило в движение представителей разных народов из всех уголков Советского Союза и за его пределами, а Ленинград и Москва стали «глобальными» городами – «воротами» в мир коммунизма⁴⁹. Внутренняя миграция в эти города – усиливающаяся с востока и юга – и появление международных мигрантов закрепили привилегированное положение «двух столиц» и подчеркнули взаимосвязанный характер социальной и географической мобильности в СССР. Восстановившись после Второй мировой войны и сделав новые шаги в развитии, крупнейшие центры европейских метрополий стали оплотом экономических возможностей и современной культуры. Но планы, что Ленинград и Москва станут поистине глобальными городами, столкнулись с ограничениями в нормах поведения, нетерпимостью к внешнему виду и другому языку. Мировые лидеры в других странах ожидали или надеялись, при частичном планировании, что прибывшие в конце XX в. мигранты из ближнего и дальнего зарубежья успешно интегрируются в новые городские пространства европейской части континента⁵⁰. В это же время муниципальные и государственные органы власти в Ленинграде, Москве и других советских городах боролись с новопривывшими из других регионов, которые приносили свою культурную, экономическую и профессиональную динамику и энергию, часто пользуясь неофициальными способами переезда.

Увидев шпили городских небоскребов, одежду коренных москвичей и оценив высокое качество и доступность культурных мероприятий и товаров, Жылдыз Нурияева назвала Москву образца 1978 г. «Вавилоном»⁵¹. Она последовала в Москву за членами своей семьи и коллегами из столицы Кыргызстана – Фрунзе, и вдохновила своим примером других⁵². Студенты, такие как Нурияева, а также рабочие, торговцы и специалисты со всего Советского Союза, а также постоянно растущее количество мигрантов из Азии и Африки, искали свой Вавилон в одной из двух столиц СССР. Единая система институтов и общее гражданство, распространяющееся на выходцев с Кавказа, из Средней Азии и восточных регионов России сглаживали изначальное неравенство, которое существовало между ними и белокожим принимающим обществом городов. Тем не менее, как отмечают Льюис Х. Сигельбаум и Лесли Пейдж Мох, направление и величина потоков, причины и результаты советского социального движения отражали то, как Советский Союз на практике воплощал «транснациональную политику в пределах государственных границ»⁵³. Попытки государства контролировать и направлять потоки мигрантов осуществлялись с переменным успехом, оно не всегда справлялось с решимостью мигрантов достичь своих пунктов назначения – самостоятельно или при помощи уже существующих или новых сетевых связей.

Ранние сети сформировались еще на этапе возникновения царской империи, связав ядро страны и периферию. По прошествии времени, с изменением различных государственных форм и режимов менялись и сетевые связи. Модернизация и постимперские процессы во многом укрепили и расширили их. Отчасти это было связано с тем, что разрыв в уровне развития центров и окраин бывших имперских владений, а также разница в объемах их государствен-

⁴⁹ О синонимичности терминов «глобальный», «мировой» и «город-ворота» в дискуссиях о крупных западных столицах см.: *Samers M. Immigration and the Global City Hypothesis: Towards a Research Agenda // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 2. P. 389–402.*

⁵⁰ *Massey D. Space, Place, and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. P. 6.*

⁵¹ Жылдыз Нурияева: из интервью, 9 июля 2007 г.

⁵² После распада Советского Союза город Фрунзе был переименован в Бишкек.

⁵³ *Siegelbaum L., Moch L. Transnationalism in One Country?*

ного финансирования, постоянно росли. По аналогии с тем, как Кирстен Маккензи и другие исследователи объясняют возникновение империй глобальными сетевыми связями, я утверждаю, что сети в постимперский период, наряду с процессами послевоенной урбанизации и модернизации, привели к формированию глобальных городов⁵⁴. В случае Советского Союза такими городами стали Ленинград и Москва. Эти города формировались культурными, социальными и экономическими системами империи, и одновременно сами оказывали на них влияние⁵⁵. Многие считали, что европейские столицы могли помочь освободиться от «варварского колониального правления», что проявлялось в сохраняющихся привилегиях белокожего городского населения в постколониальных городах Великобритании, Франции и России (СССР)⁵⁶. Мигранты, так же как и политические режимы, «просчитывают риски», принимая решение о том, двигаться или не двигаться, поощрять или ограничивать передвижения по стране, чтобы получить личные, профессиональные или политические преимущества за счет человеческого и экономического развития⁵⁷. В послевоенных государствах возникали активные дебаты о том, следует ли сохранить привилегии городов, которые являются визитными карточками страны, или же принять в них мигрантов, легальных и нелегальных. Миграция новых жителей была необходима для сохранения того самого привилегированного статуса столиц, поскольку западное городское население старело, а города росли.

Когда говорят о развитости мировых городов, фактор мобильности в ней остается недооцененным. Как утверждают Дорин Мэсси и Саския Сассен, секторы бизнеса и финансов питают западные мегаполисы капиталом, а также предоставляют им возможность управлять и контролировать обстановку за пределами государственных границ⁵⁸. Сбор информации, ее обработка и распространение происходят почти незаметно. Мигранты же начинают играть роль инструментов, которые можно использовать в государственных или частных учреждениях и предприятиях⁵⁹. Сассен отмечает, что глобальные города оборачивают себе на пользу миграцию двух типов: во-первых, «официальную», и тогда мигранты устраиваются в системах, требующих профессиональных знаний или умений; во-вторых, миграцию простых рабочих, которые смогут влиться в сокращающиеся, но все еще значительные ряды промышленной рабочей силы или, что более вероятно, устроятся на работу в сфере услуг, не требующих высокой квалификации⁶⁰. Мэсси отмечает аналогичные потоки «постиндустриальной миграции»⁶¹. Происхождение мигрантов и то, как новоприбывшие формируют городское пространство, кажутся несущественными вопросами; призывы включить их в исследования глобальных городов до сих пор встречаются в научной литературе от случая к случаю⁶².

Социалистический характер Ленинграда и Москвы расширяет и дополняет представления о концепте глобальных городов множеством новых характеристик. Мэсси подчеркивает значимость фактора «неолиберальной глобализации в их формировании»⁶³. Дженнифер Робинсон, критикующая исследования, посвященные мировым городам, за игнорирование

⁵⁴ McKenzie K. Britain: Ruling the Waves // *The Age of Empires* / ed. R. Aldrich. London: Thames and Hudson, 2007. P. 128–151.

⁵⁵ Robinson J. Cities in a World of Cities: The Comparative Gesture // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35. № 1. P. 10.

⁵⁶ Thomas D. *Black France: Colonialism, Immigration, and Transnationalism*. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 50.

⁵⁷ Yiftachel O. Theoretical Notes on «Gray Cities»: The Coming of Urban Apartheid? // *Planning Theory*. 2009. Vol. 8. № 1. P. 92.

⁵⁸ Massey D. *World City*. Cambridge, UK: Polity, 2007; Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

⁵⁹ Samers M. *Immigration and the Global City Hypothesis*. P. 390.

⁶⁰ Sassen S. *The Global City*.

⁶¹ Massey D. *Space, Place, and Gender*. P. 2.

⁶² См., например: King A. D. *World Cities: Global? Postcolonial? Postimperial? Or Just the Result of Happenstance?* // *The Global Cities Reader* / ed. N. Brenner and R. Keil. London: Routledge, 2006. P. 319–324.

⁶³ Massey D. *Responsibilities over Distance* // *Globalizing the Research Imagination* / ed. J. Kenway and J. Fahey. London: Routledge, 2009. P. 73.

мегаполисов «южного мира», возникших из экономических узлов региональной и мировой экономики, настаивает на том, что ключевую роль в образовании глобальных городов играет капитализм⁶⁴. Москва лишь в постсоветскую эпоху начинает восприниматься наравне с глобальными городами, хотя и тогда она рассматривается как пример «конкурирующей глобальности»⁶⁵. В данном исследовании я выступаю против идеи конкуренции глобальных городов, даже в период холодной войны. Включение Ленинграда и Москвы советского периода в ряд мировых городов расширяет понимание характера современного – капиталистического или некапиталистического – развития. Их государственные институты и учреждения, коридоры которых были заполнены гражданами со всего СССР, выполняли командно-управленческие функции, выходящие за пределы государственных границ, во «второй мир» и далее. Как и в капиталистических странах Запада, на социалистическом Востоке усиление неравенства между центром и отдаленными регионами также вызывало проблемы экономического развития и обуславливало устремившиеся в центр миграционные потоки⁶⁶.

Ключевым признаком глобальных городов является попытка сдержать в некоторых рамках экономической динамизм, вызванный миграцией, с помощью методов государственного контроля. Одним из таких методов являлся контроль регистрации по месту жительства граждан. В условиях советской плановой экономики он осуществлялся с помощью особой системы, хотя уровень государственного контроля над передвижениями граждан был гораздо ниже, чем об этом заявляли на официальном уровне. Официальные концепции дома и развития накладывались на частные представления об этих вопросах и трансформировались по мере того, как граждане перемещались по стране. Как отмечают Нина Глик Шиллер и Айше Чаглар, «локальность влияет» на процессы миграции, но ее влияние содержит много нюансов, которые не отражены в существующих исследованиях на данную тему⁶⁷.

С начала XX в. имперские и глобальные сети усилили роль Санкт-Петербурга (Ленинграда) и Москвы. Приезжие из дальних регионов сравнивали экономические возможности и политическую мощь двух столиц. Становление Советского Союза как послевоенной сверхдержавы повысило статус Ленинграда и Москвы внутри и за пределами советских границ. Сочетание усилий государства по развитию передовой социалистической экономики через плановые перемещения со множеством официальных и неофициальных возможностей переезда на новое место толкало мигрантов в путь в две столицы. Советское государство с опозданием последовало за глобальной тенденцией концентрировать государственные инвестиции и вкладываться в развитие основных европейских регионов Союза, поэтому сокращение финансирования других регионов имело свои последствия. Тем не менее значительное количество мигрантов в Ленинграде и Москве лишь укрепляло глобальный характер столиц, пусть и не так, как планировал режим.

⁶⁴ *Robinson J.* Global and World Cities: A View from Off the Map // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 531–554.

⁶⁵ *Hudspith S.* Moscow: A Global City? Introduction // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72. № 3. P. 457.

⁶⁶ *Brown K.* Gridded Lives: Why Kazakhstan and Montana Are Nearly the Same Place // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. № 1. P. 17–48.

⁶⁷ *Glick Schiller N., Çağlar A.*, eds. *Locating Migration: Rescaling Cities and Migrants*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. P. 9.

От империи к Союзу

Первые поколения мигрантов с востока и юга появились в Санкт-Петербурге и Москве еще во времена империи. Вдали от родного дома они взаимодействовали с людьми, обучались новому и участвовали в формировании городских пространств и культуры. Две столицы сохраняли привилегированный статус на протяжении всего бурного периода перехода от царской власти к советской, попеременно предлагая их жителям политические и административные связи, экономические перспективы и «путь к европейскому [а позже и социалистическому] современному обществу»⁶⁸. В СССР эти мощные города считались потенциальными мировыми центрами: Петроград, позже Ленинград, и Москва играли ключевую роль в государственной кампании по привлечению разных народов внутри молодого государства и из-за его границ⁶⁹. Вне зависимости от государственных планов, статус столиц и возможности, которые они могли предоставить, привлекали все большее число людей – кого-то принимали радушно, а кого-то – нет.

В эпоху царизма миграционные потоки направлялись к столицам теми путями, которыми шли русские завоеватели, но в обратном направлении. Правители Российской империи выбирали элиту среди жителей недавно завоеванных нерусских земель и приглашали избранных посетить столицу или даже поселиться в самом сердце империи. Приезжавшие из разных регионов люди служили доказательством величия империи, а также могли оказаться полезными в качестве лояльных посредников между государством и колонизированными народами⁷⁰. Сети, которые начинала выстраивать империя, были сосредоточены вокруг этих политических деятелей и вокруг торговли. Небольшие татарские кварталы возникли в Москве в XVII в., и в первоначальном Петербурге был свой «Татарский переулочек»⁷¹. В начале XIX в. сердцем немногочисленного грузинского сообщества стала Московская грузинская православная церковь, а армянские кружки собирались в районе нынешнего переулка Чернышевского, там располагались школы и три церкви⁷². Во времена имперской России потомки привилегированных семей или молодые люди, сумевшие как-то привлечь внимание властей, получали образование в институтах востоковедения или изучали иные науки в университетах двух столиц⁷³. Образование, полученное в европейской университетской традиции, могло, как надеялись правители, способствовать более успешному контролю над присоединенными землями⁷⁴. Передвижения академиков, студентов и царских чиновников катализировали связи между имперским ядром и периферией, заложив основу для сетей советской эпохи.

Все большее число влиятельных, привилегированных представителей имперской периферии получали высшее образование в европейских столицах от Санкт-Петербурга и Москвы до Парижа и Лондона на рубеже XIX–XX вв. Они стремились проникнуться европейскими идеями прогресса, чтобы возглавить свои собственные народы на пути к модернизирующемуся миру. Мустафа Шокай, выдающийся интеллигент-модернист из русского Туркестана, изучал

⁶⁸ Скотт Э. Свои чужаки: грузинская диаспора и эволюция Советской империи. С. 19–20.

⁶⁹ Санкт-Петербург был переименован в Петроград в 1914 г., а с 1924 г. стал носить название Ленинград.

⁷⁰ См., например: Barrett Th. The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity // Russian Review. 1994. Vol. 53. № 3. P. 353–366.

⁷¹ Этносоциальные проблемы города / под ред. Ю. Бромлея и др. М.: Наука, 1986. С. 211.

⁷² Жиромская В. Этнический состав населения Москвы в XVIII–XIX вв. (исторический аспект) // Москва многонациональная. Истоки, эволюция, проблемы современности / под ред. А. Сахарова. Москва: РАН, 2007. С. 103–107.

⁷³ Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford: Oxford University Press, 2011.

⁷⁴ О связях между получением образования и империей см.: Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. Об этих связях в России см.: Tolz V. Russia's Own Orient.

право в Санкт-Петербургском университете и готовил речи для депутатов-мусульман, выступавших в Государственной думе после революции 1905 г.⁷⁵ Подающие надежды грузинские социалисты искали связи и получали знания в Санкт-Петербурге. Подобно индийцам в Лондоне или североафриканцам в Париже, они видели, что в имперских столицах формируется критически настроенная прослойка интеллектуалов⁷⁶, которая могла бы распространиться по всей империи и предложить пути к смягчению, если не к свержению имперского правления. Столицы стали центрами для интеллектуалов и элиты колонизированных земель, которые были решительно настроены ассимилировать и передать другим идеи развития, а также проводить реформы или совершать революции для преобразования своих регионов и оставить свой след в сердце империи.

Империя давала возможность заработать хорошую репутацию за особые навыки, проявленные в какой-то деятельности в имперских Санкт-Петербурге и Москве, не только привилегированным слоям. Татары, например, были известны как хорошие швейцары, кавказские народы славились умением чинить обувь и строить, башкиры ценились как конюхи⁷⁷. Татарские, кавказские и среднеазиатские торговцы занимали прилавки на городских рынках, торгуя едой, шелком, лошадьми и другими товарами. В Москве в начале XIX и в Санкт-Петербурге в начале XX в. строились мечети. Мечети, ярмарки и улицы, преимущественно заселенные выходцами из восточных и южных регионов империи, составляли важную часть образа имперской России⁷⁸. Но этнические кварталы почти исчезли, а связи между мигрантами распались, когда на рубеже XX в. потоки рабочих – главным образом русских и представителей других славянских народов – захлестнули индустриализующиеся Москву и Санкт-Петербург. Тем не менее в Московской переписи населения 1912 г. зафиксировано, что среди 1,5 млн жителей было 17,2 тыс. татар, 10,4 тыс. так называемых мусульман (вероятно азербайджанцев, которых стали официально так называть ближе к 1930-м гг., и выходцев из Средней Азии) и 6,8 тыс. армян⁷⁹. Московское мусульманское благотворительное общество, присоединившись к другим благотворителям, финансово поддерживало людей, пострадавших от Первой мировой войны. Национальная кухня, особенно кавказские и среднеазиатские шашлыки, вошла в массовое сознание, наряду с представлениями об особых способностях различных национальностей к определенным видам ремесел⁸⁰.

Когда Москва стала столицей нового советского государства, она быстро превратилась, по словам Эрика Скотта, в «многонациональный мегаполис, обладающий собственным самосознанием»⁸¹. В. И. Ленин и другие большевистские лидеры верили, что Москва станет центром международной социалистической революции. Высшее образование в Петрограде и Москве оставалось инструментом выстраивания связей, мобильности и потенциального влияния не только на граждан нового государства, но и на колонизированные народы всего мира. Потоки студентов направлялись в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открывшийся в Москве в 1921 г.⁸² Первый ректор университета Г. И. Бройдо видел

⁷⁵ Депутаты от Туркестана были представлены в парламенте Российской империи, Думе, лишь во время одной думской сессии – второй, с 1908 по 1909 г. Но депутаты из других мусульманских регионов прослужили до самого краха царизма. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 106.

⁷⁶ Скотт Э. Свои чужаки. С. 70. О других примерах воспитания мигрантов из колоний в Европе см.: Owen N. *The Soft Heart of the British Empire: Indian Radicals in Edwardian London* // *Past and Present*. 2013. Vol. 220. № 1. P. 143–184.

⁷⁷ Жиромская В. Этнический состав населения Москвы в XVIII–XIX вв. С. 104.

⁷⁸ Sahadeo J. *Home and Away: Why the Asian Periphery Matters in Russian History* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 2. P. 375–388.

⁷⁹ Жиромская В. Этнический состав населения Москвы в XVIII–IX вв. С. 105.

⁸⁰ Скотт Э. Свои чужаки. С. 138.

⁸¹ Там же. С. 27.

⁸² Kirasirova M. *The «East» as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration: The Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East* // *Kritika*. 2017. Vol. 18. № 1. P. 7–34.

миссию вуза в том, чтобы «подготовить кадры для советского и партийного строительства и их устройства в местные предприятия, для укрепления советской власти трудящихся в далеких степях и горах Азии»⁸³. В 1925 г. КУТВ назвали в честь Иосифа Сталина. Университетский лозунг отражал идеи Сталина об отдельном, самостоятельном советском Востоке и остальном Востоке – колонизированном и зависимом, народам которого нужна была помощь московских просветителей. Один студенческий поток КУТВ насчитывал от десятков до сотен представитель каждой официально признанной национальности в пределах СССР, от Кавказа до Дальнего Востока⁸⁴. Перед студентами всего мира предстала другая Москва, отличная от образа, нарисованного Брайдо: она стала «пунктом назначения» для иностранцев. Мигранты, вдохновленные коммунистическими идеями, мечтали увидеть мир, свободный от нищеты и имперского порабощения, а также получить в Москве бесплатное образование⁸⁵. Треть учащихся КУТВ составляли студенты, прибывшие из арабских государств, Индии, Китая и Африки. В широкое и расплывчатое большевистское представление о зарубежном «Востоке» входили и афроамериканцы.

Азербайджан и Средняя Азия в 1920-е гг. стали не просто советским Востоком, они были объявлены режимом «отсталыми». Недавно завоеванные советской Красной армией, эти по преимуществу мусульманские регионы оказывали серьезное националистическое сопротивление большевикам, представленным в основном русскими. Экономика этих регионов, в основном производящих сырье – от нефти до хлопка, – была, можно сказать, вновь включена в имперскую систему, которая осталась практически нетронутой в Советском Союзе⁸⁶. В силу низкого уровня образования и предположительной неосведомленности о социалистических идеях азербайджанцы и выходцы из Средней Азии нуждались в особой помощи, чтобы они могли внести свой вклад в модернизацию советского государства и общества⁸⁷. Чтобы быстро обучить представителей этих «отсталых» народов и дать им специализацию, помимо двух- или трехлетних университетских программ, предлагаемых КУТВ, в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова были созданы специальные короткие курсы, чтобы быстро обучить новые кадры социалистической идеологии и дать толчок процессу модернизации.

Другие учебные заведения принимали более широкий круг «восточных» студентов. В 1921 г. в Москве открылся Институт востоковедения. В инженерно-технические и педагогические институты Петрограда и Москвы поступил сильный контингент татар и армян, помимо студентов других национальностей. Большевики разработали систему квот: она предполагала специально выделенные бюджетные места в ведущих высших учебных заведениях европейской части России, предназначенные для представителей всех признанных этнических групп со всей территории Советского Союза. Франсин Хирш назвала советскую систему квот «эволюционизмом, спонсируемым государством»⁸⁸. Возможность получить образование изменила карьерные перспективы и жизнь миллионов советских граждан с Кавказа и из Средней Азии. На протяжении всего советского периода в Москву поступали требования увеличить квоты для учреждений, считавшихся престижными, для того чтобы «поставить на ноги» отстающие регионы⁸⁹. С самого начала советская образовательная политика была направлена на подго-

⁸³ Ibid. P. 21.

⁸⁴ Чеботарева В. Москва – центр подготовки национальных кадров для союзных и автономных республик СССР, 1920–1930-е гг. // Москва многонациональная. С. 213–219.

⁸⁵ Kirasirova M. The «East» as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration. P. 8.

⁸⁶ О продолжении колониальной экономики в раннесоветский период см.: Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 208–228.

⁸⁷ Более детальное рассмотрение этой темы см. в главе 2.

⁸⁸ Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. P. 7–9. Система квот и ее эффективность будет подробно описана в следующих главах.

⁸⁹ Чеботарева В. Москва – центр подготовки национальных кадров для союзных и автономных республик СССР. С. 246.

товку кадров, которые по завершении образования могли бы вернуться домой для советизации родных республик. Лишь горстка выпускников КУТВ получила работу переводчиков или редакторов пропагандистских журналов в Ленинграде или Москве, система не предполагала, что выпускники останутся в городах, где проживали преимущественно русские⁹⁰.

Москва как столица молодого, динамично развивающегося государства, – «источник вдохновения» как для потенциальных коммунистов, так и для будущих модернизаторов – привлекала интеллигенцию всего так называемого Востока по совсем иным причинам⁹¹. Узбеки учились на отделениях литературоведения и журналистики, используя новые идеи и контакты для формирования художественных образов и политических идеалов молодой узбекской нации. Как отмечает Адиб Халид, к середине 1920-х гг. Москва стала «центром узбекской культурной жизни»⁹². То, что Москва притягивала все больше мигрантов, связывало ее с другими крупными европейскими городами и империями. Культурно-просветительские возможности Лондона и Парижа привлекали в эти города гораздо больше приезжих из африканских и азиатских имперских колоний: те, кто приезжал, чтобы получить там образование, стремились связать свои народы и земли с теми возможностями, которые дают имперские и глобальные сети⁹³. Когда из-за кризиса времен Великой депрессии на Западе в городах увеличился уровень расизма и фашизма, в глазах левых интеллектуалов и всего мира в целом Москва представляла то образом «будущего», то «единственной надеждой» человечества⁹⁴.

О взаимодействии между прибывшими с советского Востока мигрантами и славянскими жителями в модернизирующихся и индустриализирующихся Ленинграде и Москве в межвоенный период известно очень мало. Татары оставались самым многочисленным меньшинством. В Ленинграде их численность поднялась от 1,2 тыс. в 1920 г. до 31,5 тыс. в 1939 г.⁹⁵ В Москве проживало более 100 тыс. татар и представителей других, более мелких национальных меньшинств с Кавказа и из Средней Азии⁹⁶. Оксана Карпенко пишет, что татары, которые работали слугами и были связаны с дореволюционным строем, вынуждены были переехать. Новоприбывшие мигранты часто переезжали целыми семьями, чтобы сохранить связь с языком и национальной культурой⁹⁷. В Москве в межвоенный период функционировало 11 школ для детей других национальностей; в 5 из 11 школ обучение велось на татарском языке, хотя многие татары обучали своих детей по-русски⁹⁸.

В 1930-е гг. «национальные» учреждения – школы, театры и клубы – пали жертвой официальной кампании против негосударственных организаций. В 1933 г. Ленсовет закрыл национальные объединения, оставив только два «культурных» пространства для нерусских граждан Советского Союза. Один из клубов был предназначен для финнов, евреев, поляков, белорусов и других национальных меньшинств, второй оставили в качестве «дома просвещения» для

⁹⁰ *Kirasirova M.* The «East» as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration. P. 29.

⁹¹ *Халид А.* Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. Пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб.: Academic Studies Press, БиблиоРоссика, 2022. С. 279.

⁹² *Ibid.* P. 242.

⁹³ См.: *Boittin J. A.* Among Them Complicit? Life and Politics in France's Black Communities, 1919–1939 // *Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century* / ed. E. Rosenhaft and R. Aitken. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. P. 55–75; *Whitall D.* «In This Metropolis of the World We Must Have a Building Worthy of Our Great People»: Race, Empire and Hospitality in Imperial London, 1931–1948 // *Ibid.* P. 75–98.

⁹⁴ *Kharaeva D.* Soviet and Post-Soviet Moscow: Literary Reality or Nightmare? // *Soviet and Post-Soviet Identities* / ed. M. Bassin and C. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 172.

⁹⁵ *Сукевич З.* Петербуржцы: Этнонациональные аспекты массового сознания. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 10.

⁹⁶ *Гончарова Н.* Татарское население Москвы: гендерные аспекты // *Гендерные проблемы в общественных науках* / под ред. И. Семашко. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 203.

⁹⁷ *Карпенко О.* Быть «национальным»: страх потерять и страх потеряться. На примере татар Санкт-Петербурга // *Конструирование этничности*. С. 56, 62.

⁹⁸ *Гаврилова И.* Демографическая история Москвы. М.: Фаст-Принт, 1997. С. 185.

татар и других народов Востока⁹⁹. Такое разделение спровоцировало и навязало цивилизационный разрыв. Грузины и армяне оказались в пограничном положении: христиане, но проживавшие на имперских землях с многонациональным населением, они считали себя европейцами, но политики и писатели-путешественники считали грузин и армян народами, живущими на самой границе Азии¹⁰⁰. Как отмечает Скотт, грузины составляли «самую восточную окраину народов, классифицируемых как западные», хотя некоторые группы мигрантов – особенно те, кто занимался грязной работой или торговлей, – считали себя самой западной окраиной среди тех, кого принимающее сообщество считало выходцами с Востока¹⁰¹.

В 1936–1938 гг. в РСФСР, по словам Терри Мартина, «была запущена целенаправленная, всесторонняя и хорошо организованная кампания по институциональной русификации всех институтов»¹⁰². Сталинская «кавказская группа», укрепив свою власть в Москве на самых высоких политических позициях, теперь стремилась успокоить русских, которые стали чувствовать себя второстепенными внутри многонационального союза. Московские городские власти последовали примеру Ленинграда и также начали кампанию по русификации культурной жизни и институтов. Были закрыты все школы, периодические издания и культурные учреждения для нерусских граждан, сохранявшиеся до этого времени, разрушены две армянских церкви. Сталин свернул все ранние большевистские антиимпериалистические усилия по продвижению представителей нерусских народов периферии на влиятельные позиции, особенно в их родных регионах, и начал так называемую политику «коренизации». Последовавшие аресты подозреваемых в шпионаже в пользу иностранных государств в эпоху чисток, эмиграция и Вторая мировая война значительно сократили численность меньшинств в Ленинграде и Москве¹⁰³.

⁹⁹ *Шангина И.* Многонациональный Петербург: История, религии, народы. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 145.

¹⁰⁰ См., например: *Анчабадзе Ю., Волкова Н.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX в. М.: Наука, 1990.

¹⁰¹ *Скотт Э.* Свои чужаки. С. 40.

¹⁰² *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 412, 406–413. См. также: *Смирнова Т.* Национальность – питерские: национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб.: Сударыня, 2002.

¹⁰³ *Бугай Н.* Депортация национальных меньшинств из Москвы и Московской области в 1930–1940-е гг. // Москва многонациональная. С. 294.

Города, страны и миграция после Второй мировой войны

Вторая мировая война преобразила Ленинград и Москву. Ленинград, почти обезлюдевший город-герой, переживший 900-дневную блокаду, и Москва, теперь ставшая столицей мировой сверхдержавы, нуждались в серьезных восстановительных и ремонтных работах. Сначала рабочая сила потянулась из близлежащих областей, а затем все больше мигрантов стало прибывать со всех уголков Советского Союза. Представители Кавказа и Средней Азии – иногда с разрешения властей, а иногда без него – приезжали даже в больших количествах, чем до войны, особенно когда послевоенные инвестиции в пострадавшие южные регионы Советского Союза уменьшились. В эпоху холодной войны две столицы стали образцовыми советскими городами, конкурируя с Лондоном, Парижем, Нью-Йорком и Вашингтоном за влияние над странами, еще не примкнувшими ни к одному блоку, или над странами «третьего мира». Ленинград и Москва «расстелили красные дорожки» не только перед жителями нового коммунистического Восточного блока, но и перед гостями из Центральной и Латинской Америки, Азии и Африки. Множество выходцев со сталинского внутреннего Востока демонстрировали, насколько разнообразно постколониальное, социалистическое государство, ставившее перед собой глобальные цели, однако на деле их присутствие свидетельствовало о несовершенстве плановой системы, которая пыталась контролировать передвижение граждан и направлять обученных мигрантов обратно в родные республики для модернизации городов периферии.

По завершении Второй мировой войны в Ленинграде и Москве развернулось строительство: новый городской ландшафт организовывали в стиле крупнейших столиц Европы. Городские центры стали узлами, которые должны были способствовать обеспечению более высоких стандартов жизни для общества, пострадавшего от войны. Советские лидеры рассчитывали, что эта цель будет достигнута с помощью социалистической плановой системы, способной, как они полагали, наилучшим образом распределять ресурсы и перенаправлять потоки людей. «Явные проявления урбанизации» в СССР были, пожалуй, заметнее, чем на Западе¹⁰⁴. Тенденция уделять основное внимание государства центру, начавшаяся до войны, усилилась; в двух столицах были сконцентрированы услуги и опыт специалистов, приехавших сюда со всего Советского Союза. Ленинград и Москва стали центрами советской и глобальной идентичности, лишь выросшей в военное время; а также благодаря растущему политическому, идеологическому и экономическому значению двух столиц. Этому способствовали развитые образовательные и плановые учреждения, а также промышленность. Такой образ Москвы и Ленинграда распространился по всему Советскому Союзу, а также по всему коммунистическому «второму миру»: в Восточной Европе и за ее пределами¹⁰⁵. В 1957 г., при спонсорстве Общества советско-чехословацкой дружбы, проводилась четырехдневная телевизионная викторина «Ленинград – Москва: центры Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁰⁶. Подъем статуса двух столиц был частью стратегии по укреплению сплоченности социалистического мира. На VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве в 1957 г., приехало 30 тыс. иностранных гостей. Космополитический характер мероприятия имел ключевое значение. Гостей встретил по-настоящему глобальный город, открыв свои двери в том числе и перед бывшими колонизированными народами, пережившими экономические трудности, изо-

¹⁰⁴ Zarecor K. E. What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe // Journal of Urban History. 2018. Vol. 44. № 1. P. 97.

¹⁰⁵ Zarecor K. E. What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe. P. 97, 107.

¹⁰⁶ Applebaum R. The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s // Slavic Review. 2015. Vol. 74. № 3. P. 498.

лящую от центра или насилие со стороны государства¹⁰⁷. После фестиваля газета «Комсомольская правда» писала, что «любовь всего мира к Москве ощущается полно и ясно»¹⁰⁸.

Стратегии послевоенного развития обозначили уникальные пути развития Ленинграда и Москвы как многонациональных и глобальных городов. Значительное количество крестьян и демобилизованных солдат в тылу России сохранилось, несмотря на ужасающие человеческие жертвы времен войны, это позволило использовать «доморощенную» рабочую силу, даже когда Великобритания и Франция были вынуждены обратиться в заморские, вскоре бывшие, колонии для привлечения рабочих, чтобы восстановить и увеличить свои капиталы¹⁰⁹. После партийных решений о передислокации промышленности на время войны в советские республики Средней Азии начали поступать инвестиции¹¹⁰. Южные регионы, где теперь располагались сотни фабрик, обладали богатыми природными ресурсами, которые и эксплуатировало государство. В 1950–1960-е гг. на юге СССР возникли предприятия гидроэнергетической, угольной и химической промышленности¹¹¹. Кроме того, государство выделило ресурсы на социальную сферу, в том числе на образовательные курсы и программы по обучению грамоте. Внимание государства к периферийным районам предотвратило более высокие темпы миграции населения в могущественные государственные центры, в то время как выходцы из Вест-Индии, Южной Азии и Африки бежали в Лондон и Париж, столицы своих империй, из опасения значительного экономического ущерба, который наступит после неизбежного краха метрополий¹¹².

Лидеры коммунистической партии Средней Азии подчеркивали эти различия в опыте западных держав и советского государства, которые свидетельствовали о мнимом превосходстве социализма, этот аргумент они часто использовали, когда добивались от Москвы увеличения финансирования. Никита Хрущев сделал лозунги экономического равенства регионов и распространения советского влияния за рубежом краеугольными камнями в тот период, когда боролся за пост Сталина в коммунистическом руководстве. Вслед за Хрущевым главы среднеазиатских республик утверждали, что СССР способен выстроить уникальную социалистическую траекторию мирового развития, преодолев неравенство, которое приводит к миграции с Юга на Север в Северной Америке и Западной Европе¹¹³. Однако СССР настойчиво обвиняли, как в Средней Азии, так и за ее пределами, в том, что он повторно колонизировал этот регион и использовал его как гигантский колхоз по сбору хлопка. Эти обвинения препятствовали взаимодействию СССР со странами Ближнего Востока и Африки¹¹⁴. А в середине 1950-х гг. и Соединенные Штаты и Советский Союз считали движение солидарности стран третьего

¹⁰⁷ *Исаева Г., Кудешова Г., Цыганков В.* Москва интернациональная. М.: Моск. рабочий, 1977. С. 241–242.

¹⁰⁸ *Roth-Ey K.* «Loose Girls» on the Loose? Sex, Propaganda, and the 1957 Youth Festival // *Women in the Khrushchev Era* / ed. M. Pic, S. E. Reid, L. Attwood. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 81.

¹⁰⁹ *McDowell L.* Workers, Migrants, Aliens or Citizens? State Constructions and Discourses of Identity among Post-War European Labor Migrants in Britain // *Political Geography*. 2003. Vol. 22. № 4. P. 865.

¹¹⁰ *Manley R.* To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.

¹¹¹ *Fierman W.* The Soviet «Transformation» of Central Asia // *Soviet Central Asia: The Failed Transformation* / ed. W. Fierman. Boulder, CO: Westview, 1991. P. 19.

¹¹² Законодатели Британской и Французской империй не решились ограничить передвижение сразу после войны, учитывая потребность стран в рабочей силе, а также желая сохранить имперские связи, предчувствуя, что эпоха империй в официальном смысле подходит к концу. См.: *Hansen R.* Citizenship and Immigration in Post-war Britain. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 26. В одном только Лондоне с 1951 по 1966 г. количество жителей из Вест-Индии выросло с 17 до 269 тыс. человек.

¹¹³ *Kalinovsky A.* Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955–1964 // *Ab Imperio*. 2013. № 2. P. 191–222.

¹¹⁴ *Kirasirova M.* «Sons of Muslims» in Moscow: Soviet Central Asian Mediators to the Foreign East, 1955–1962 // *Ab Imperio*. 2011. № 4. P. 107.

мира решающим фактором в борьбе мировых держав за экономическое и идеологическое господство¹¹⁵.

Советская политика развития сопровождалась и другой практикой, позволяющей сдерживать потоки мигрантов в города в послевоенный период, в то время как в странах Европы движение в западные столицы стремительно вышло из-под государственного контроля¹¹⁶. В 1930-е гг. советские лидеры выражали серьезное беспокойство по поводу состава населения крупных городов – ведь они должны были стать узлами для развития современной социалистической культуры¹¹⁷. Для контроля за всеми прибывавшими в крупные города была разработана регистрация по месту жительства – прописка, подтверждавшая официальное проживание какого-либо человека в городе. Если же обнаруживалось, что у проживающих, особенно у так называемых чужеродных элементов – уголовников, цыган, зажиточных крестьян (кулаков) и других – нет прописки, их могли не только выслать из города, но и направить в трудовые лагеря на Дальний Восток или куда-то еще¹¹⁸. Были предприняты огромные усилия для «паспортизации» городских жителей в Москве и Ленинграде. Вне зависимости от гражданства, необходимо было оформить целую кипу документов, чтобы иметь право на проживание любой продолжительности в двух столицах¹¹⁹.

Система прописки олицетворяла усилия советского государства по организации «научной, предсказуемой и плановой» миграции в послевоенные годы¹²⁰. В этот период прием на работу в крупных городах осуществлялся с помощью «оргнабора» (организованного набора трудящихся). Специалисты по экономическому планированию определяли цели и «контрольные цифры» для предприятий, и, основываясь на них, работники Министерства труда выделяли группы потенциальных рабочих кадров, а при необходимости и набирали их по всему СССР. Для устранения дефицита или достижения «оптимальных» результатов производства, предприятия могли подать заявку на дополнительный набор рабочей силы. Таким образом, советских граждан могли без их воли направить на работу в нуждающиеся отрасли экономики. Специалисты или рабочие, направленные в крупные города, получали временную или постоянную прописку, а их работодатели на предприятии несли ответственность за их расселение. По утверждению исследовательницы демографии Н. А. Толоконцевой, это позволяло новоприбывшим работникам, в отличие от мигрантов в странах Запада, «не потеряться» в больших городах, избежав социальных проблем и опасностей¹²¹.

Однако системе оргнабора не хватало гибкости для удовлетворения потребностей в новой рабочей силе бурно развивающихся Ленинграда и Москвы. В 1950-е гг. и позже местные чиновники, не желая ждать результатов слишком затянутого и к тому же непредсказуемого процесса распределения, нанимали рабочую силу неофициально. В первую очередь они искали рабочих в сельских районах ближних областей, которые страдали от отсутствия экономических возможностей или социальной мобильности при трудоустройстве демобилизованных сол-

¹¹⁵ *Kirasirova M.* «Sons of Muslims». P. 112. Также см.: *Katsakioris C.* Burden or Allies? Third World Students and Internationalist Duty through Soviet Eyes // *Kritika*. 2017. Vol. 18. № 3. P. 539.

¹¹⁶ О масштабах послевоенной миграции в Лондон, Париж и другие крупные европейские города см.: *Hansen R.* Citizenship and Immigration; *Silverstein P. A.* Algeria in France: Transpolitics, Race, and Nation. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

¹¹⁷ *Moine N.* Le système des passeports à l'époque stalinienne: De la purge des grandes villes au morcellement du territoire, 1932–1953 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2003. Vol. 50. № 1. P. 148.

¹¹⁸ *Moine N.* Le système des passeports à l'époque stalinienne. P. 150.

¹¹⁹ Советское правительство расширило зону, где требовалось получать паспорта, в нее вошли десятки других городов. Паспортный режим также действовал в приграничных районах и даже на машинно-тракторных станциях. См.: *Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. № 2–4. P. 487. URL: <https://www.jstor.org/stable/20174642>.

¹²⁰ *Buckley C.* The Myth of Managed Migration: Migration Control and Market in the Soviet Period // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 4. P. 904–905.

¹²¹ Демография и экология крупного города / под ред. Н. Толоконцева, Г. Романенковой. Л.: Наука, 1980. С. 35.

дат. Вера Исаева вспоминала, как в начале 1950-х гг. в ее деревню за пределами столицы приехал пожилой мужчина и прямо на месте вербовал деревенских жителей на строительство гостиницы «Ленинградская» напротив Казанского вокзала в Москве¹²². Неофициальный найм увеличивался по мере того, как росла неразбериха, связанная с процессом получения прописки: кому она нужна, а кому нет; какой тип прописки необходимо получить и к кому следует обращаться. Формально тем, кто родился не в «режимных зонах» – советских городах, где требовалась прописка, – нужно было обратиться в жилищный отдел местного гор- или сельсовета, имея при себе паспорт и письмо о трудоустройстве. Связь между приемом на работу и пропиской иллюстрировалась советской поговоркой: «нет прописки – нет работы; нет работы – нет прописки»¹²³. Колхозникам, большинство из которых не имело паспортов вплоть до 1970-х гг., нужно было получить письменное разрешение от сельсовета. Однако подача заявления на получение прописки не гарантировала успеха: в советский период существовало более двадцати причин для отказа в прописке по правилам, список которых был скрыт от общественности и постоянно дорабатывался¹²⁴. Получение прописки могло занять годы, а ожидание государственного жилья в случаях, когда предприятие не выдавало работникам места в общежитии – и того больше¹²⁵.

Из-за неразберихи с получением прописки и долгого ожидания в городах царил полный хаос: граждане – кто с пропиской, кто без – потоками въезжали и выезжали из Ленинграда и Москвы, поскольку советские предприятия и проекты нанимали работников на короткие сроки¹²⁶. Азамат Санатбаев о его первых поездках из южной Кыргызии в Москву в 1950-е гг., когда он был еще ребенком, вспоминал так: грязь, толпы и хаос на вокзалах, сотни людей, спящих прямо на полу, пока мимо проходили сотни тысяч прибывающих в город или же уезжающих из него¹²⁷. Советские государственные деятели, в частности нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия, считали систему регистрации в городах обременительной и воспринимали ее как препятствие для эффективного распределения труда. Однако в 1954 г. действие «зоны особого режима» распространилось на десятки городов в связи с сохраняющимся страхом перед внутренними врагами, а также убеждением, что требование получать прописку – единственный способ регулировать передвижение потоков населения в условиях стремительной урбанизации¹²⁸. Расширение зоны, где действовали паспортные ограничения, также свидетельствовало о признании того, что политика распределения потребителей давала существенное преимущество крупным городам и была нацелена на сокращение числа торговцев, работавших на серых и черных рынках. Эти города сохраняли и свою роль культурных столиц: тех, кто нарушал нормы поведения, например москвичек, обвиненных в сексуальных связях с иностранцами в 1957 г., – высылали из города¹²⁹.

Несмотря на то, что передвижения граждан контролировались непростой системой прописки, на официальном уровне о миграции в крупные города говорили исключительно в позитивном ключе. Партийные лидеры и советские планировщики считали, что большие городские

¹²² Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. P. 125.

¹²³ Højdestrand T. *The Soviet-Russian Production of Homelessness*. URL: <http://www.anthrobase.com/Txt/H/HoejdestrandT01.htm>.

¹²⁴ Light M. *What Does It Mean to Control Migration? Soviet Mobility Policies in Comparative Perspective* // *Law and Social Inquiry*. 2012. Vol. 37. № 2. P. 408; Loeber D. A. *Limitchiki: On the Legal Status of Migrant Workers in Large Soviet Cities* // *Soviet and Post-Soviet Review*. 1984. Vol. 11. № 1. P. 301–308.

¹²⁵ Houston C. J. *Administrative Control of Migration to Moscow, 1959–1975* // *Canadian Geographer*. 1979. Vol. 23. № 1. P. 36.

¹²⁶ Shearer D. *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952* // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. № 4. P. 846.

¹²⁷ Азамат Санатбаев: из интервью, 14 июля 2009 г.

¹²⁸ Moine N. *Le système des passeports*. P. 163–169; Shearer D. *Elements Near and Alien*. P. 862.

¹²⁹ Roth-Ey K. «Loose Girls» on the Loose? Sex, Propaganda, and the 1957 Youth Festival. P. 90.

пространства способствуют формированию «нового советского человека», поскольку выступают идеальным пространством для социального и этнического смешения и модернизации. Каждый гражданин имел возможность внести вклад в строительство современных городов и получить от этого пользу¹³⁰, ведь подобное общее занятие должно было помочь быстрой интеграции мигрантов вместо их изоляции, как, они полагали, это происходило на Западе. Советские комментаторы с гордостью отмечали, что в послевоенные десятилетия народы Кавказа и Средней Азии урбанизировались быстрее, чем другие национальные группы СССР, хотя общие показатели меньшинств в городах оставались ниже среднего¹³¹. Урбанизация была наиболее эффективным способом преодоления отсталости и разрушения традиций, поскольку она открывала глаза на «широкий мир»¹³². В то же время в центре дискурса о пользе урбанизации оказались республиканские столицы, такие как Тбилиси (Грузия), Алма-Ата (Казахстан) или Ташкент (Узбекистан), где сохранялось преобладание этнических русских на административных позициях или квалифицированных должностях. Эта проблема была пережитком царской эпохи, усиленная выборочным доверием Сталина¹³³. Ленинград и Москва давали блестящие примеры перспектив развития Советского Союза, но на пути к ним действовали тщательные ограничения. Азамат Санатбаев, который в 1970-е гг. возил в Москву группы из Средней Азии, вспоминал, что в его задачу входило «рассказывать им, как коммунизм может связать жителей Средней Азии с городской жизнью, так что в итоге мы станем единым советским народом»¹³⁴. Но сначала периферия должна подняться до уровня центра.

Двойственность советских взглядов и практик в отношении смешения и перемещения их жителей действовали и в столицах. Обе столицы, по мнению Орен Йифтахель, исследователя крупных мировых городов, были «серыми зонами»¹³⁵. Серые зоны возникают тогда, когда государственные и городские власти пытаются примирить ограничения официальных путей поступления в современные города необходимого или хотя бы достаточного человеческого капитала, с желанием контролировать ценные центральные пространства. В 1950-х гг. и позже сотни тысяч советских граждан въезжали в Ленинград и Москву, а также в Тбилиси и Ташкент и выезжали из них ежедневно: на работу, за покупками или на учебу, для осмотра достопримечательностей, в гости к друзьям или родственникам, на короткий или долгий срок. Они привносили в жизнь городов свои навыки и энергию, подкрепляя ими высокий статус желанных советских столиц. Суровость законов о прописке компенсировалась их непоследовательностью, а наказания за нарушения были произвольными. В случае если у мигранта не было прописки, ему могли вынести предупреждение или выслать – в случае с Москвой – на «101-й километр», за пределы города; посадить в тюрьму или отправить в ссылку в дальние города. Прописка не выполнила свою основную задачу – очищения городов от «нежелательных лиц». Некоторые мигранты, приехавшие в Ленинград и Москву, избегали преследований, просто уезжая домой.

¹³⁰ Штилюк В. Межреспубликанская миграция и сближение наций в СССР. Львов: Вища школа, 1975. С. 118; Этносоциальные проблемы города / под ред. Ю. Бромлея и др. С. 211.

¹³¹ Макарова Л., Морозова Г., Тарасова Н. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986. С. 79.

¹³² Проблемы социального развития крупных городов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 48.

¹³³ Алма-Ата – нынешний Алматы. Названием «Казахстан» обозначается Казахская ССР; «Узбекистан» – Узбекская ССР.

¹³⁴ Азамат Санатбаев: из интервью, 14 июля 2009 г.

¹³⁵ Yiftachel O. Critical Theory and «Gray Space». P. 240.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.